

Бронислава Бродская

Пробирка номер восемь

Бронислава Бродская
Пробирка номер восемь

«Автор»

2014

Бродская Б.

Пробирка номер восемь / Б. Бродская — «Автор», 2014

Благополучный и рутинный ход жизни немолодой женщины внезапно прерывается неправдоподобным химерическим событием, в которое невозможно поверить. Героиня и ее семья вынуждены принять невероятное как данность. Создавшаяся вокруг обычной женщины фантазмагорическая ситуация служит фоном, на котором разыгрывается настоящая жизненная драма, в которую вовлечены близкие ей люди. Это роман о мужестве, силе духа, стойкости людей в невыносимой ситуации, когда единственный выход — это вести себя достойно. Содержит нецензурную брань.

© Бродская Б., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Глава 1

Утро начиналось так себе. Да, от такого утра ничего другого и ожидать было нельзя. Ведь это было утро дня рождения, уже так давно невероятно неприятного. Дело в том, что когда-то, точнее 24 года назад в этот день у Ани умер отец, что было простым совпадением, но жуткий день травмой впечатался в ее память, и уже никогда не мог ассоциироваться с приподнятым настроением праздника. Когда-то в детстве Аня день рождения просто обожала, ждала его и проживала каждое мгновение события в умиленном оживлении и восторге. Впрочем, в то февральское московское утро 88 года, когда она уходила на работу никакого застолья не планировалось. Люди, с которыми она привыкла отмечать, умерли, другие приходиться не приехали ... День катился по накатанным рельсам, но тут Ане позвонили на работу, она запыхавшись прибежала домой к родителям и увидев у подъезда два реанимобиля, сразу поняла, что отец умирает. На ватных ногах она вбежала на второй этаж, дверь в квартиру была открыта, отец лежал в своей комнате на полу, около него празднично стояли два парня в белых халатах, а стрелка портативного кардиографа писала прямую линию. Причем писала, видимо, уже не первую минуту. Все! Маме тоже позвонили, но она опоздала, папу уже увезли. Аня помнила мамино окаменевшее лицо, и как она, смотря в одну точку, все повторяла: 'это от гриппа, от гриппа ...'.

С этого несчастного дня прошло уже так много времени, что горе выветрилось, но каждый год он, этот день, переживался, как особый и грустный. Даже стало непонятно, от чего навевалась эта неизбывная тоска: папина смерть, одиночество, собственное старение. Анино настроение всегда было сложным, она сама не понимала, что ей надо: хотелось, чтобы дети пожалели, позвонили, хотя бы напомнили о своем присутствии в ее жизни, пусть хоть без поздравлений, подарков и сидения за столом. С другой стороны, как раз и не хотелось, чтобы они звонили, растревляли ее боль, пусть бы оставили в покое. Аня прекрасно знала, что никто о ней не забывает, а просто не звонят, считают, что так ей лучше. Муж тоже ничего не говорил, не поздравлял, не дарил букет. Так уж повелось: у всех был день рождения, а у нее – нет. Аня была всегда напряжена, нервозна, любой пустяк мог бы вывести ее из душевного равновесия и родные это понимали. Однако ей хотелось особого внимания, какого-то сочувствия, тепла. Но можно ли было одновременно что-то ей говорить особое и делать вид, что 'сегодня день, как день'? Можно ли было за одним столом поднимать тосты за ее здоровье и 'помянуть' папу? Аня могла бы приготовить закуски, испечь пирог, все бы пришли, расслабились, а ... папу забыли бы? Раньше в Москве Аня ездила на кладбище, стояла около могилы, а сейчас и этого она делать не могла. Было гадко, больно и в то же время жаль себя. Привычная амбивалентность мучила, терзала Анину душу. Иногда она даже плакала, уверенная, что ее слез никто не увидит.

Проблема была еще в том, что несмотря на давние многочисленные просьбы всегда находились те, кто ее поздравляли, звонили, желали, пытались выглядеть радостными и оптимистичными. Аня всегда удивлялась человеческой невнимательности: она же просила не звонить, или позвонив, хотя бы не поздравлять, но это не помогало. Люди, видимо, хотели сделать, как лучше, и Аня покорно выслушивала бравадные поздравления, которые воспринимались штампованными банальностями, говорила спасибо, и опустошенная, клала трубку. Если бы к ней в аналогичных обстоятельствах обратились с подобной просьбой, она бы запомнила на всю жизнь: не звонить! Другие не запоминали, или не хотели покоряться ее, с их точки зрения, блажи.

В этом году все было даже хуже, чем обычно. Аня заболела какой-то, как раньше говорили, простудой, которая была настолько зла и беспощадна, что полностью выбила ее из колеи. Ночь была практически бессонной, Аня ушла из своей широкой двуспальной кровати и спала

в гостевой соседней комнате, где все было неприятно и непривычно. Сколько уж раз она этой ночью вставала, ходила, капала в нос капли и откашливалась в раковину, Ане даже трудно было припомнить. Она просыпалась, смотрела на часы: два часа, три ... пять ... а потом она заснула, проспала все утро и не слышала, как муж уходил на работу.

У нее в спальне на тумбочке громко зазвонил телефон. В тишине дома звонок звучал оглушительно и разумеется Аню разбудил. Проснуться ей было трудно, в голове еще шли отрывки сна, глаза никак не могли ни на чем сфокусироваться. Аня увидела 'чужую' комнату, белые в черный горошек обои на стенах, внизу пол, заваленный засморканными бумажками. Она протянула руку за часами и опрокинула стакан с водой: о, б ... ть. Вот так всегда бывает: все против нее. Одиннадцатый час ... муж давно уехал на работу... впереди пустой длинный день: очередной мерзкий, противный, одинокий день рождения. Вода натекла на тумбочку и частично намочила простыню и ночную рубашку. Стало мокро и холодно. Сразу подумалось, что вот, ей сегодня стукнуло 65 лет. Юбилей, который люди обычно пышно празднуют, а она ... лежит тут в мокрой ночной рубашке, не в своей постели, и нос у нее совсем не дышит, а слабость такая, что даже непонятно, как вообще можно встать и не упасть. Телефон продолжал надрываться, долбить по больной тяжелой голове. Звонок бил по нервам и на него следовало реагировать. Аня решила трубку не брать и зажмурилась в надежде снова заснуть и смотреть свой заполошный 'приключенческий' сон. Впрочем было ясно, что больше уж ей не уснуть. Встать было невыносимо, к тому же она была на сто процентов уверена, что звонили ее поздравлять. Скорее всего это был ее брат из Израиля. Звонок замолчал, Аня лежала без сил, уже совершенно проснувшись, и думая об особенной пустоте сегодняшнего никчемного дня, и о том, что ей жутко хреново. Она была злой, невыспавшейся, недовольной всем на свете, и буквально раздавленной своей гриппозной простудой. Прошло не больше двух минут и телефон зазвонил вновь. Ну, кто бы сомневался! Аня поняла, что надо встать и взять трубку. Отлежаться не выйдет.

– Але! Аня сделала милый и светский голос.

– Анька. Спешу тебя поздравить. Ты слышала звонок? Что-то не получилось. Я уже второй раз звоню.

– Да, слышала. Подошла, но было ничего не слышно. Аня привычно лгала брату. Она не ошиблась, это, разумеется, звонил он. Он знал о папиной смерти в этот день, был в курсе Аниных просьб не поздравлять ее, но ... звонил все равно.

Наверное, так ему казалось правильным. Что было у него в голове? То ли ему действительно хотелось позвонить и поздравить кузину, частицу своей некогда многочисленной дружной семьи, то ли это был звонок для галочки, который висит над человеком, воспринимается докучной обязанностью, но о котором ни в коем случае нельзя забыть. Позвонил, с облегчением вздохнул и выкинул из головы.

– Да, спасибо, дорогой! Постараюсь соответствовать твоим пожеланиям! В Анином тоне появились светские доброжелательные нотки.

– К тебе ребята придут? Уже, небось, готовишься?

– Да, нет, вряд ли кто-то придет. Дети болеют.

– Ни хрена я ни к чему не готовлюсь, твою мать! Если бы ты меня сейчас видел! В ее голове очень часто возникал растык между тем, что она говорила, и что она думала. Ане и в голову не пришло рассказывать брату о своем самочувствии и настроении. Какая разница? Лишь бы он побыстрее отвязался.

– Ну, ладно, старуха, будь здорова! Я тебе перед работой позвонил. Давай, празднуйте. Обнимаю. Бай! Это его вечное дурацкое 'бай'. Сегодня оно особенно действовало на нервы. Почему 'бай', почему не 'пока' или 'до свидания'?

– Да, да, спасибо. Он, что, глухой? Не слышал, что никакого праздника не будет? Ой, да ладно. Плевать. Аня с облегчением повесила трубку. Она знала, что сегодня ей придется пройти еще через несколько таких звонков.

Следовало двигаться, вытереть воду с тумбочки в гостиной комнате, перетаскать в спальню вещи, которые ей ночью пришлось туда перенести, поднять с пола грязные салфетки. Аня несколько раз прошлась между двумя комнатами и в изнеможении села на кровать. 'Ничего себе ... денек предстоит. Как же я хреново себя чувствую! Какой-то кошмар' – Анины мысли сосредоточились скорее на ее физическом состоянии: тоска дня рождения отошла на второй план. Она поплелась на кухню и элементарный завтрак показался ей подвигом. Надо было подниматься к компьютеру на второй этаж, и Аня два раза останавливалась на лестнице. Она уселась на крутящийся компьютерный стул, тяжело дыша. Как ей хотелось бы думать, что она так запыхалась из-за насморка и кашля, но что-то ей подсказывало, что дело тут не только в простуде. Плохое самочувствие предательским образом совпало с сакраментальной датой: 65 лет! Аня не привыкла ощущать себя старухой, она даже как о пожилой женщине о себе не думала, но здоровье явно начало ее подводить и грипп тут был ни при чем. Чем хвастаться? Необъяснимо высокое 'нижнее' давление, за 'сто', и пульс такой же за 'сто'. К вечеру 110, т.е. ощущение такое, что она 'бегала', а она вовсе не бегала, она, наоборот – лежала. Это куда годится! Хочется валиться и лежать, лежать, смотря в потолок. Даже читать не было сил. Силы куда-то внезапно делись, и уровень обычной энергии, просто чтобы жить и функционировать, был равен нулю. Аня сознавала, что 'завяла' она как-то сразу. Что хорохориться, если нет сил встать с кровати или подняться по лестнице. Ужас какой-то! Она 'к слову' пожаловалась детям, как 'ей плохо', что она 'неважно' себя чувствует, но никто больно-то не забеспокоился, они тоже не привыкли, что 'мамочка не того'. Все были уверены, что она просто простудилась, заразилась от детей, все, мол, пройдет, надо просто потерпеть. А если не пройдет? А если всегда теперь так будет? А если это нешуточная старость? Аня включала компьютер и у нее в голове крутились противные строчки из дедушки Крылова: 'ты все пела – это дело. Так пойди же попляши!'. Наверное настала ее очередь 'плясать'. Аня открыла имейл и увидела два поздравления: от подруги и от сестры. «Анечка, Анечка ... здоровья, радостей, благополучия ...сюсю ...». Аня знала, что она неправа, что так нельзя. Никто не виноват в ее нездоровье и тоске. Что злиться-то на весь свет. Стало понятно, что сестра скоро позвонит, и придется это перетерпеть. Делать перед компьютером было решительно нечего. Следовало бы начинать писать новую книгу, разные по-этому поводу идеи теснились в Аниной голове ночами, когда она ходила взад-вперед по комнате, пытаясь унять судороги в ногах, которые не давали уснуть. Идеи приходили в голову одна за другой, боролись в мозгу, исключая, замещая друг друга, громоздились, переполняли, внезапно казались то гениальными озарениями, то полной ерундой. Хотелось работать, писать, перенести их на бумагу, наполнить смыслом пока пустой каркас замысла, но наступало утро, тяжелое медикаментозное похмелье, дикая, валящая с ног, слабость, и ... желание писать уходило. Замысел казался невыполнимо сложным, воплощать его не было сил. Нет, желание писать не уходило совсем, а просто отдалялось на какие-то мифические 'лучшие' времена. Внезапно Ане стало страшно, что эти туманные 'лучшие' времена уже никогда не наступят. И это была та самая старость, которую она так боялась: отсутствие здоровья, сил, желаний, а главное, творческого драйва. От нее постепенно остается одна оболочка, местами сморщенная, местами, наполненная жиром, некрасивая, убогая, жалкая. Это будет уже не она, Аня, а просто доживающая старуха, которая непонятно зачем существует.

Голова просто раскалывалась. Аня улеглась на диван около телефона. Не было ни мыслей, ни идей, ни планов на будущее. Мозг залила тупая сонная одурь, парализующая волю. Сестра действительно позвонила и Ане пришлось выслушать поток милых пожеланий. 'Соответствовать' потребовало почти титанических усилий, Ане и в голову не пришло ни на что жаловаться.

Жалобы разговор бы только продлили, а этого Аня как раз и не хотела. Через какое-то время позвонила старшая дочь Катя. Это был как раз такой звонок, который Аня и ожидала. Разговор 'ни про что', без поздравлений, пожеланий и даже упоминаний о событии, и однако Аня почувствовала, что как раз по-поводу 'события' Катя и звонила. Младшая Лида тоже позвонила и ... какие у нее все-таки были тонкие девочки: все сказали и ничего не сказали. Это надо уметь. Молодцы. Аня их не только любила, но и уважала. Они обе были умными, интеллигентными, и по-этому воспитанными женщинами. Настроение стало на гран получше. Старший сын Саша не позвонил. То ли из-за 'тонкости', то ли просто забыл. Такое тоже вполне могло быть. Ане пришло в голову, что как все-таки хорошо, что никто к ней сегодня не придет. Даже сама мысль пойти на кухню и начать готовить еду, казалось нестерпимой. Непонятно, то ли ей было действительно плохо, то ли она обленилась и распустилась. Аня не исключала и второе. Скоро с работы должен был вернуться муж, Феликс, надо было встать и поставить варить макароны. Аня поднялась, ноги ее дрожали, а в за грудиной мерзко чувствовалось лихорадочно стучащее сердце, оно ныло и было, как 'камень' в груди. Вот как бы Аня охарактеризовала свое состояние доктору, но это по-русски, а по-английски она не знала, как такое описать. Тьфу, как надоело быть языковым инвалидом, всегда говорить не так, как хочешь, а так, как можешь.

Макароны переварились, так как Аня опять валялась на диване и в дреме даже о них забыла. Она принялась их сливать, кастрюля была горячая и тяжелая, из-под крышки уже еле капало, щель разъехалась шире, чем нужно, Аня захотела чуть сдвинуть крышку, руки не удержали тяжесть и липкие, мокрые, горячие макароны неудержимой лавиной вырвались в раковину. Крышка тоже туда со звоном упала. В кастрюле осталось меньше половины. 'Б-ть, б-ть, б-ть. Ну почему это с ней все происходит? Она же обычно такая ловкая и рукастая. Пропали макарончики, твою мать!' Приученной к бережливости Ане, было жаль хороших итальянских макарон, невероятно саднили ошпаренные руки, пальцы уже начали краснеть. В раковине мерзкой кучей лежали дымящиеся, все еще извивающиеся, белые черви, которых медленно засасывало в дыру диспозера. Первым Аниным побуждением было 'спасти' то, что оставалось, но макароны были такими горячими и скользкими, что обжигали руки и соскальзывали с ложки. Раковина не выглядела чистой и есть макароны, побывавшие в ней, показалось неприемлемым. Аня зачем-то запустила руку в глубь жерла, который она грубовато называла 'жопой' и ощутила под пальцами мягкую, чавкающую, упругую массу, напоминавшую копошащихся монстров из романа Стивена Кинга. Аня вытащила руку, включила мотор и диспозер начал перерабатывать ее замечательные макароны. Там что-то утробно урчало, и Аня настороженно прислушивалась к отвратительным звукам, которые делались все глуше. Скоро в раковине ничего не осталось. Остался осадок чего-то мерзкого, унижающего, пугающего, вызывающего гадливость. Сам по себе ничего не значащий, мелкий, досадный эпизод с макаронами показался Ане символом ее 65-него юбилея. Уронила, не удержала, обожглась, лишилась, а потом смотрела на шевелящихся червей, ехидных, бесстыдных тварей, выглядящих живыми.

Феликс вернулся, он ел макароны, и никакие 'живые твари' ему в голову не приходили. Потом он заботливо померил Ане давление, оказавшиеся неприлично высоким.

– Слушай, у тебя жуткая тахикардия. Феликс по вьвшейся привычке бывшего врача, называл частый пульс по-научному. И диастолическое давление безобразное.

– Это потому что я болею. Ты же знаешь. Мне нечем дышать.

– Это не только по-этому. Тут никакие лекарства не помогут. Ты сама же знаешь. Надо двигаться. Ты совсем не двигаешься. Так нельзя. Пойдем погуляем.

– Куда мы пойдем. Уже темно. Давай смотреть кино.

– Ага, опять кино. Опять ты будешь лежать на диване. Ты уж себя до ручки довела. Пойдем. Одевайся.

– Да, куда идти? Просто ногами шевелить?

- Да, ногами шевелить! Иначе труба!
- Какая труба?
- Ты знаешь, какая... одевайся. Сегодня холодно.
- Нет у меня сил.
- Вот именно. И не будет. Надо шевелиться. Давай, давай ... Довела себя.

Аня надела старую еще московскую короткую дубленку, которую давным-давно никто не носил. Две нижние пуговицы пришлось не застегивать, шубка не сходилась на выпирающем Анином животе. Это ее неприятно резануло. Хотя... что же удивляться. Шубку еще Катька носила, и с тех пор прошло 20 лет. Простительно. Но это 'простительно' почему-то не утешало. Несколько дней назад выпал снег, непрошенный, красивый, напоминающий Москву, сначала желанный, а потом быстро надоевший и мешающий жить. Во дворе они медленно пошли к шоссе, перелезая через торосы, и немного поскользываясь. Аня сразу запыхалась, ее частое дыхание с шумом вырывалось из горла, она чувствовала свою тяжесть, неповоротливость, некрасивость. Феликс взял ее, как когда-то под руку, и они медленно побрели на свой перекресток. «Два старичка вышли на моцион. Дедушка с бабушкой воздухом дышат.» – подумала Аня. «Давай, держи свою бабулю» – с иронией сказала она Феликсу. Над их головой было удивительно звездное небо, сухой и морозный ветерок дул им в лицо. «Как будто я на московской автобусной остановке стою, поздний вечер. Похоже.» – подумала Аня. Да, только не очень-то это было похоже. Ну разве она себя чувствовала в Москве такой усталой. Нет, никогда. Она и представить себе не могла, что можно так себя чувствовать. Наверное, так себя 'бабки' чувствовали, а может мама больная. Только Аня никогда не думала об их ощущениях. Она очень долго была молодой, а молодые не ощущают чужих недугов, не могут их себе вообразить.

День рождения прошел, и Аня дала себе зарок: надо что-то с собой делать. Действительно, так нельзя. Умереть не умрешь и жить не захочешь. Физические усилия она никогда не любила. Не то, чтобы была на них неспособна, скорее способна, но не любила напрягаться, потеть и изнемогать. Обещанная 'мышечная радость' к ней никогда не приходила. Спорт – это было не ее. Ей всегда было безразлично 'кто вперед', казалось глупым лезть на канат, надрыться на дистанциях. Она была сильной и ловкой девчонкой, но как-то органично, не через тренировки. Но, тут она решила: надо ходить на тредмиле, хоть это и дико скучно. Монотонность движения, боль в мышцах, сбившиеся дыхание – все это раздражало, но выхода не было. Аня считала себя человеком волевым и начала 'ходить' по полчаса в день. Обычно люди себя в таких случаях начинают себя уважать, но Аня только еще больше злилась на себя 'за старость', за то, что приходится прилагать дополнительные усилия, чтобы еще какое-то время, скорее всего, недолгое, удерживаться на плаву. Наверное, ей бы следовало пересмотреть свои лекарства, которые она принимала уже давно каждое утро. Лекарства были совершенно 'старушечьими' и Аня в семье свою от них зависимость не афишировала, да ее никто и не спрашивал о здоровье. Ей не хотелось идти к врачу, пробовать что-то новое, менять дозу. Она никуда не шла и упрямо продолжала мучиться в гараже на тредмиле.

Слабость немного отпустила, Аня даже не заметила когда ей стало легче. Просто прошел грипп, и засиял 'свет в конце туннеля'. Аня без проблем поднималась по лестнице, перестала каждую минуту ложиться, уже не вытиралась полотенцем сидя. Феликс мерял ей давление и не мог нарадоваться: все пришло в норму! 'Да тебя можно в космос посылать', – незатейливо шутил он, говоря каждый раз одну и ту же фразу, подчеркивая свою иронию по поводу 'пышущей здоровьем' жены. Аня перестала думать о своих физических ощущениях, по примеру всех здоровых людей, воспринимая свое здоровье, как должное, не заслуживающее внимания. Она уже меньше себя ненавидела, перестала думать о себе, как о 'старухе', тягостно размышляя о своей немогущности и никчемности, причем не грядущей, а реальной. Только изредка, когда

она оставалась одна и ей было нечего делать, она брала зеркало и из него на нее смотрела сильно пожилая женщина с почти поседевшими белокурыми волосами, крупными чертами лица, дряблым подбородком, осевшими щеками, глубокими морщинами у носа, утончившимися губами, и заплывшими, почему-то ставшими резко меньше, глазами с мутными белками, усеянными желтоватыми пятнами. Портрет был еще более отталкивающим, потому что в Анином лице появилось что-то грубое, недоброе, даже злое. Это лицо никак нельзя было назвать милым и мягким. Нет, оно было жестким и неприятным. 'Тьфу, черт, уродка какая!' – думала про себя Аня, надо будет девкам сказать, чтобы гроб потом не открывали. Не к чему на меня на такую смотреть'. Аня всегда была настроена к себе реалистично, да, ей такое, про 'гроб', приходило в голову, другим может и нет, а ей приходило: мертвые родные могут быть вполне себе 'ничего', а могут ужасать. Ей не хотелось принадлежать ко второй категории. Впрочем, она никогда не была в Америке на похоронах, и как принято: открывать крышку или не открывать, Аня не знала. Может ничего детям и говорить не надо, и так не откроют, как это делали в Москве, соблюдая традицию 'прощания', даже 'целования дорогого покойника', выставляя напоказ восковое уже такое неживое лицо, на которое все почему-то жадно смотрели.

Процедура душа была сопряжена с лицезрением себя голой. В зеркале отражалось обрюзгшее тело, совершенно потерявшее форму. К старости люди усыхают, а чаще толстеют. Когда старушки пухлые, они лучше выглядят, усохшие совсем уж плохонькие: кожа висит, морщины ужасающие, виден явный толстый горбик, спина сгибается крючком. Кошмарное зрелище. Проблема была в том, что с Аней происходило и то и другое одновременно: она и растолстела и усохла, то-есть старилась некрасиво, противно. Зеркало ей выдавало картину 'маслом': толстый, надутый, выпирающий живот, начинающийся сразу под грудью, и грузной складкой оседающий вниз, валики на спине, предательски искривленный позвоночник. Непропорционально тяжелый, раздувшийся, широкий торс, не соответствующий 'раме', крепился на тонких по всей длине ножках, испещренных жилками, мелкими пятнами кератом, дряблыми фолликулами, и многочисленными небольшими липомами. Под мощной спиной едва виднелся убогий, худенький, сморщенный зад, давно видимо достигший Аниного молодежного размера. Только этот крохотный размер стал совершенно неуместен. Юбка все это безобразие еще как-то скрывала, а брюки сразу выдавали всю несообразность пропорций: шарик на тонких ножках, увенчанный седенькой головой с неприятным, злобноватым лицом, и почему-то вечно свалывшимися волосами, мой их, не мой. Вот что видела Аня в зеркале, стараясь в него не смотреть и не думать о своем внешнем виде. Взвешиваться она перестала еще лет пять назад, ведь дело было давно не в весе.

А тут с недавнего времени Аня стала замечать, что кое-какие вещи стали ей велики. Большие шалеобразные кофты стали смотреться мешковато, плечи обвисали, все несуразно болталось. Недавно купленные джинсы немного съезжали вниз и узкие бедра не могли их удерживать. Джинсы съезжали и из-под ремня свешивался живот. Подбородок уже больше повис, щеки неприятно ввалились. Потерю веса Аня заметила, но все-таки она была неявной. Можно было бы взвеситься, но это было глупо, так как 'исходный' вес она давно не знала. Судить можно было только по косвенным признакам, по одежде, а еще, пожалуй, по тому, насколько ловко и быстро ей удавалось встать с дивана. Аня вставала одним движением, просто качнув бедрами и чуть наклонившись. Ей уже не приходилось отталкиваться руками, подавшись вперед, с усилием сминая толстую складку жира на животе. Движения стали чуть другими, более быстрыми, четкими, ненатужными, но Аня не отдавала себе в этом отчет. Она не замечала, что перед правым глазом перестала плавать маленькая черная точка, что она надевает трусы и брюки стоя, без проблем балансируя на одной ноге, что ей ничего не стоит присесть и дать коту поесть. Процедура обрезания ногтей на ногах давно была довольно мучительной. Аня вся выворачивалась, пыхтела, пытаясь как можно ниже наклониться с ножницами к ноге. Ножницы доставали еле-еле, и один ноготь срезался недостаточно, а другой почти под корень. Аня

боялась, что в конце концов придется обращаться к Феликсу с просьбой ей помочь. Делать этого не хотелось. Она прекрасно понимала, что это было бы для него неприятно. Феликс бы не отказал, но ... совесть надо было иметь. А тут ... странно, тело сгибалось легче, стрижка ногтей переставала восприниматься такой уж проблемой. Да и складка на животе, хоть и еле уловимо, стала меньше. Ну, слава богу. Аня не стала говорить Феликсу о мелких изменениях фигуры. К тому же, они, эти изменения были такими мелкими, что их никто и не заметил, в том числе и Феликс. Что тут вообще обсуждать? То же мне: свершение!

А тут такое событие: ребята, Лида с мужем и дочкой приехали жить в Портланд, приехали насовсем. Ну, да, думала Аня: я так и знала. Когда-нибудь это будет. И вот наступило, не прошло и 16 лет ... а так все нормально. Целый огромный кусок жизни они все жили порознь, привыкли так жить, но все-таки ждали воссоединения. Аня тоже ждала, но и боялась его. Слишком все становилось по-другому в Лидиной семье. А 'по-другому' с плюсом или с минусом, это еще надо будет посмотреть. Аня была человеком осторожным и ликование свое держала под контролем. С первого взгляда ничего, ведь, для нее не изменилось: работа, занятия с внуками, чтение детективов, работа над своими текстами и вечером телевизор. Одна и та же поверхность семейной глади, тиши и благодати, которую не сотрясали катаклизмы, но под этой гладью Аню терзали сомнения и тревога. Оставаясь одна она мучилась страхами на тему 'а вдруг' ...

А вдруг Лидиному мужу Олегу не будет нравится новая работа? Он будет мучиться, жалеть о старой, об упущенных возможностях, о потерянном рае, и другой прошлой жизни, а сделать-то уже ничего нельзя, нельзя снова уволиться, и вернуться на старое место, а значит придется терпеть, пытаться привыкнуть, приспособиться, принять неизбежное, но каждый вечер, возвращаясь домой, он будет думать 'зачем я это сделал?', и молчать о своих чувствах, не желая жаловаться и признаваться в поражении.

А вдруг они все, а она, Аня, в частности, не сможет найти нужный тон общения, будет докучливой, недостаточно тонкой и интересной собеседницей, и ее будет в жизни Лиды и Олега слишком много, больше, чем им нужно, и тогда ... опять то же самое – они пожалеют, что приехали в Портленд. Семья, семья ... а нужна ли она, эта семья, им в таких количествах? Аня не могла не вспоминать никем нечитанный роман Мориака, где говорилось о том, что 'семья – это тюрьма из ртов и ушей ...'. А вдруг и у них так? Их совместные сидения за накрытым столом исчерпают себя, будут казаться скучными, ненужными, пошлыми: жирная еда, которую долго и трудно готовить, порожные разговоры, где по мере возлияний делается все больший упор на пошлости, которые никого не развлекают, но нужно делать вид, что развлекают, чтобы быть 'своим'. Вот совсем недавно они сидели за столом у Ани дома, все слишком много съели и мучаясь от переедания, стали каяться и давать зароки не 'есть торт ... и вообще... зачем так много еды? Не надо так много готовить!' и Аня чувствовала себя виноватой, ответственной за свой большой торт, за салат, заправленный майонезом, за жирный паштет, за вкусный белый хлеб, который все ели.

Лида обещала родить еще одного ребенка, все откладывала до той поры, когда они будут наконец вместе. И вот они вместе. А вдруг у нее не выйдет забеременеть? Ведь это непросто. Аня никогда не сталкивалась с проблемой 'трудности', но слышала, что люди, которые хотят ребенка по каким-то причинам не могут его иметь. А вдруг это с ними произойдет? Она жила в тревожном состоянии, в ожидании неприятности, твердо уверенная, что 'что-то будет'. А может этим 'что-то' окажется ее старческая немощность? А вдруг, поскольку Лида тянет со вторым ребенком, она как бабушка, окажется недееспособной, будет не в состоянии активно помогать? Не сможет ребенка ни поднять, ни искупать, ни накормить и ей его не будут доверять. И тогда она станет совсем бесполезной, бесконечно сосредоточенной то на своем давлении, то на пульсе, то на диете.

Были и другие 'вдруг' более или менее важные. Аня собиралась по давней традиции что-нибудь сделать для детей летом, поставить для них спектакль, где они снова будут артистами.

А вдруг они ничего не сделают? Не успеют, никого не удастся заинтересовать, у нее не хватит энергии над этим работать, вовлечь в деятельность детей, Феликса и Лиду? Наступит лето, а они ничего не сделают, ни будет никакой продукции и дети уже никогда не будут артистами. Аня понимала, что если они этим летом ничего не сделают, то не сделают уже никогда. Она была движущей силой труппы, никто вместо нее не впряжется, а она ... не сможет. Может не хватить энтузиазма. Вдруг она превратится в размазю?

А вдруг Катке будет хуже, ее болезнь раскоцегарится, лекарства перестанут помогать, и Катя станет погрязать в инвалидности, не сможет быть активной и станет доукой для своей семьи, раздражительной, сварливой и желчной?

А вдруг у них с Феликсом совершенно не будет денег, они, старенькие, ничего не смогут заработать и детям придется их содержать, причем не дочерям, а зятям, которые вовсе не родная кровь? Как тогда жить? Как это будет унижительно, ужасно, тяжело! Аня никому никогда об этом не говорила, боязни жизни были для нее слишком подспудными, интимными и поэтому необсуждаемыми.

О сыне Саше Аня думала часто, тем чаще, чем реже они общались. Он уехал самым первым. Они давно, еще в Москве, замечали, что Саша скрытничает, бывает в компаниях, которые могли в те времена оказаться опасными: диссиденты, отказники, так называемые сионисты. И что у него с ними было общего. Русский парень, только одна бабушка еврейка. И вот ... поди ж ты ... Началась перестройка, а он засобирился в Израиль. Может уже и уезжать не стоило, но Саша упрямо гнул свое. Они пытались его образумить, но тщетно. В Израиле он все время жил с какими-то девушками, присылал их фотографии. Служил в армии, а потом, разом разочаровавшись в еврейской идее, уехал в Америку, где женился на американке из патриархальной еврейской семьи. Брак распался и Сашка начал совершать какие-то совсем уж дикие поступки. Уехал из Нью-Йорка, где он работал программистом и очень неплохо зарабатывал, в сельскую Пенсильванию, где зачем-то купил большую ферму. Аня с Феликсом, когда приехали в Америку, к нему туда съездили. Аня ходила мимо многочисленных амбаров, сараев, загонов для скота. Было сыровато, зябко, на земле везде была рассыпана крупная солома, под ногами чавкало. Пахло навозом и кормами. Саша в грязных джинсах, сапогах и брезентовой куртке казался ей чужим. Ей казалось странным, что она мать этого грубого мужика с бородой. Он бросал вилами сено лошадям ...

– Саш, зачем тебе это? Ты же жил в Нью-Йорке, зарабатывал, сидел в ресторанах Сохо, заходил в галереи ... а сейчас, Саш?

– Мам, понимаешь, это – другая Америка. Я хочу ее понять.

– Да, ты все равно не поймешь. Мы же все из Москвы. Мы – городские ...

– Это, мам, вы с девчонками городские, а я – нет.

– Да, ладно тебе. Не выдумывай. На черта тебе лошади и коровы, ты же не умеешь с ними обращаться.

– Это ты так думаешь. Ты, помню, мне говорила, что я – не солдат, а я был солдатом, и неплохим. Ты, мам, меня не знаешь совсем, никогда не знала и не понимала... мне неинтересно жить, как вы

– Да? А как тебе интересно? У тебя же специальность прекрасная есть ... а ты тут дурака валяешь ... Живешь в глуши, тут слова не с кем сказать ...

– Мам, я и так сказал в жизни слишком много слов. Слова ничего не значат. Надоели пустые разговоры. А тебе не надоели?

– Я не веду пустых разговоров, я учу студентов. А вот ты что делаешь? У тебя же образование ...

– Ладно, хватит! Я же у вас ничего никогда не просил и не прошу. И поэтому имею право жить, как я сам считаю нужным. Договорились?

Что Сашку забирало? Аня никогда его не понимала, это правда. Феликс, ненавидящий любые конфронтации, всегда просил ее не вмешиваться. Она и не вмешивалась, в любом случае ее вмешательство ничего и не дало бы. Ферму Сашка давно продал, опять перебрался под Нью-Йорк, жил в Нью-Джерси в небольшом, старом доме с молодой женщиной-американкой. В Портланд он приезжал только один раз. Все были радушны, но настоящего общения у них не получилось. Саша от них отвык, и было ощущение, что он приезжал из чувства долга. С девочками он себя вел, как будто они по-прежнему были маленькими. Все ему подыгрывали. И вот теперь ... а вдруг, когда она умрет, дети совсем не будут общаться, брат полностью потеряет связь с сестрами и отцом. И детей у Саши не было. Он говорил, что они ему не нужны. Ну как это так? Что тут можно было сделать?

Аня прятала ото всех свои грустные мысли, держась за свой 'ординар', в хорошие моменты справедливо себя уговаривая, что нельзя горевать раньше горя, что проблемы она будет решать по мере их поступления. Все ее моральные силы были направлены на то, чтобы не 'распускаться'.

Как обычно без напряжения, будучи внутренне готова к ограничениям, она стала резко меньше есть. Даже ее овсяная ежевечерняя каша без сахара стала состоять всего из одной ложки. Аня себя знала, ей даже не надо было делать особых усилий, чтобы не наедаться. За столом все могли есть торт, а она не ела. Торт или паштет оставались после гостей, Феликс приходил с работы и с удовольствием их доедал, Аня не прикасалась ни к чему, что она считала для себя вредным. Ненавистный тренажер, на котором она каждый день ходила по полчаса, стал рутиной жизни. Обещанной радости после тренировок Аня не испытывала, но ходила все равно, пересиливая свое отвращение и скуку.

В конце марта в пятницу, Аня, как обычно не работала, и поборов свое желание сразу сесть за компьютер, отправилась в гараж, открыла ворота и встала на ленту тренажера. С улицы дул свежий ветерок, слабо шевелящий верхушки высоких елок. Аня посмотрела на ослепительно голубое, еще холодное небо, без единого облачка. Как редко она раньше смотрела на небо, как-то было недосуг. Перед домом никого не было. Люди были на работе, а крикливые соседские девочки – в школе. Было удивительно тихо, листья на деревьях еще не появились, но трава стала совершенно зеленой, летом такой не будет. Аня включила тренажер и лента 'пошла', приходилось перебирать ногами, держась за раму перед собой. Обычных раздражающих мыслей о дурацком искусственном хождении, когда Аня напоминала себе 'белку в колесе' в клетке, не было, наоборот, свежий прохладный воздух, тишина, одиночество казались приятными и желанными. Настроение можно было считать почти хорошим, но все-таки было это 'почти'. У Ани в голове билась мысль о сравнении ее прежней активной жизни с этим благолепием на тихой улочке, которую по ее старым представлениям, и улочкой-то нельзя было назвать.

Она раньше бегала по городу, поднимаясь по лестнице метро, бежала за автобусом и даже не замечала своего движения. За редчайшим исключением она никогда не гуляла, если куда-то направлялась, то по-делу, и по-этому самого процесса движения просто не замечала. Она двигалась к цели, а не для здоровья. Вот в чем была разница. Но разве она одна сейчас такая? Все сидящие целыми днями перед своими компьютерами, в машинах, в офисах люди, были вынуждены ходить в спортклубы для того, чтобы двигаться. Время тратилось на суррогатное, суетливое, самоцельное движение, и Аню это все-таки немного раздражало, хотя и меньше, чем обычно. Она надела наушники и протянув руку, включила Высоцкого, которого она когда-то, бог ты мой, знала, совершенно теперь немодного, почти забытого, не востребовавшего. Его хриплый, кричащий рубленые стихи, голос наполнил гараж. Он пел о 'солдатах группы Центр', о каких-то комбатах войны, на которой он не был ... Как все это не вязалось с благолепием маленькой тихой американской улицы. Тревожные, мощные, непричесанные слова, примитивный, но завораживающий, подчиняющий себе мотив. Анины ноги подстраивались к ритму,

песню невозможно было не слушать. Насколько это была не попса: голос, манера, суть стихов, музыка! Не просто поющий человек со слухом, а актер, не слова, а стихи, не музыка, а какой-то набат ... Напор, страсть, обнаженная правда жизни, выдуманная, но мощная реальность, которую для художника вовсе не обязательно прожить, достаточно просто себе представить и соответственно прочувствовать. Аня поняла, что эта музыка не может выражать ее настоящее, она из прошлого, из прежней жизни. Хотя ... хотя, а разве ее эмиграция не была пугающе настоящей, суровой и беспощадной войной? Да была ... но эта скользкая лента тредмила, травка, воздух ...? Как все сейчас не так. Война закончилась, только вот чем? Ее поражением? Или победой, похожей на поражение?

Ане вдруг захотелось себя 'загнать', по-настоящему устать, вспотеть, тяжело дышать, натрудить ноги. Она резко прибавила скорость и наклон. Теперь она быстро шла 'в гору'. Станным образом усталость не приходила, пульс увеличился, но ненамного. Анины ноги в белых не новых кроссовках мерно переступали по ленте. 'А если побежать?' Аня прибавила еще скорости. Ноги замелькали быстрее, она уже не шла, а бежала. Так продолжалось минут пятнадцать и наконец она почувствовала, что устала. Майка вспотела под мышками и на спине, захотелось пить. Пульс был 100, еще полтора месяца назад он у нее такой был в постели, а сейчас она правда бегала. Все-таки она молодец! Аня остановилась, мельком взглянула на дисплей 'калорий': получалось, что 'сожгла' она много, но это ее почему-то теперь мало интересовало. Аня выключила тренажер и музыку, закрыла гараж и пошла в комнату. 'Водички, первым делом попить ... , а потом в душ.

Когда она почти полтора месяца назад начала тренироваться, в глазах у нее было темно, она вваливалась в дом и в изнеможении валилась на диван, растягивалась и долго лежала, закрыв глаза и пытаясь восстановить дыхание. 'А сейчас не растягиваюсь. Вот что значит начать двигаться! Правильно меня все-таки Феликс заставил. Я бы сама не стала ...' Аня пружинящей походкой взлетела по лестнице и вошла в ванную, на ходу снимая с себя вещи. Вода уже текла и Аня с удовольствием встала под душ. Струи приятно били по ее телу, она намыливалась, думая о том, как отлично, что Лида с Олегом теперь здесь живут! 'Сволочь я все-таки, что не так ценю их общество, как нужно. Все какие-то мысли мне в голову приходят мрачные, а по-сути ... что мне, скотине неблагодарной, надо!' – занимаясь мелким самобичеванием, Аня даже и не замечала, что она сильно прогибаясь, заводила руки за спину и довольно легко намыливала всю ее поверхность. У нее так уже давно не получалось: руки за спиной не могли ухватить одна другую, а сейчас смогли, но Аня не отдавала себе в этом отчета. Как будто так и было нужно, кто же замечает естественное?

Большое зеркало в ванной отразило все ее тело. Аня вытерлась, причесалась и перед тем, как одеваться, взгляделась в зеркало. Она это делала каждый, или почти каждый день и не замечала, что она все-таки невероятно похудела, даже можно было сказать 'страшно' похудела. И тут ключевым словом было 'страшно'. Ну да, она мало ест, регулярно тренируется, но ... чтобы так похудеть, причем столь быстро?! В этом было что-то ненормальное, недопустимое, удивительное, вернее, шокирующее. Аня смотрела на себя и уже даже и не могла себя такую припомнить: живот почти исчез, лишняя кожа свисала довольно некрасивыми складками, зато спина сделалась уже, и на ней практически и не было никаких складок. Обозначилась линия талии, а на бедрах чуть выпирали берцовые кости. 'Что это со мной творится? Что-то я 'подалась' ... ничего себе!' – Аня вдруг явственно осознала изменения в своей фигуре. 'Ну, да, я тренируюсь ... это, разумеется, от этого. Отчего же еще?' – вопрос в Аниной голове был риторическим, кто же не знал от чего: от рака! Вот от чего! Или нет? Что у нее за привычка сразу думать о плохом. Люди начинают так худеть на терминальной стадии, а у нее ... никаких признаков, ну ... никаких. Да, что я себя утешаю? Вот, как раз и бывает, что признаков никаких, а ... уже поздно 'пить боржоми'.

Аня уселась на край своей кровати, дряблый живот опал и повис узкими складками, жира в них почти не было. Она взглянула на свои крепкие ноги, с рельефными икрами, которые в последнее, еще такое недавнее время, уже вовсе и не выглядели рельефными и горько подумала, что 'понятно теперь, почему так вышло, что Олег приехал в Орегон, что у него все получилось с новой работой. Ясно. Судьбе было угодно, чтобы он ее, Аню, лечил, будет длиться ее рак сколько сможет, тянуть ее разными там химиями, а потом она умрет.' Нет, она не похудела, она 'исхудала', вот так будет точнее, и ничего тут не поделаешь. Она всегда знала, что умрет от рака. Откуда знала? Знала и все! Аня встала. Если отбросить мысли о раке, она чувствовала себя просто превосходно, давно уже она так себя не чувствовала. Сердце билось ровно и сильно, тело казалось легким, податливым, послушным. 'Да, что это я так распустилась? Еще мне никто диагноза не поставил. Может пронесет. Это просто мои интенсивные тренировки!' – Ане удалось себя успокоить. Хотелось деятельности, но к компьютеру ее совершенно не тянуло. Аня решила померить свои вещи. Она знала, что ей будет кое-что велико, и это ее расстроит. Хотя, неизвестно, может как раз и порадует. Аня расшвыряла на кровати свои вешалки с одеждой и принялась все примерять, создавая разные сочетания из юбок, кофт, пиджаков и туфель.

Примерки оставили у Ани смешанное чувство. С одной стороны ее чувство тревоги насчет похудения, как бы она его не отгоняла, усугубилось: юбки висели, в талии можно уже было засунуть пару пальцев, кофты и свитера выглядели, как мешок. Получалось, что ей и носить-то нечего. Она даже достала из комода давно купленный и никогда не надеванный черный с блестками купальник и надела его. Купальник сидел, как влитой. Аня вертелась перед зеркалом, смотрела на себя со всех сторон, и осталась своим видом довольна. Она испытала давно забытое чувство – отсутствие стыда за свое тело, когда ты не боишься раздеться, не сидишь на жаре запакованная, чтобы, не дай бог, не оскорбить эстетические чувства окружающих. Да, раздеваться ей было теперь можно, да только ... зачем? Она давно не ходила ни на пляж, ни в бассейн. А может надо записаться в бассейн? Ане вдруг остро захотелось поплавать, ей казалось, что она вполне сможет.

И все-таки ... почему она так похудела? А может ей кажется? Может это просто мнительность? Она решила поговорить с Феликсом, спросить, что он обо всем этом думает. Собственно, о чем об 'этом'? Феликс, ведь, ничего особо нового в ней не замечал. Аня повесила на вешалки всю свою одежду и ее приподнятое настроение враз улетучилось. 'Тоже мне разбушевалась. Наряжалась, как дура, вертелась перед зеркалом, паясничала, сама себе улыбалась и чему-то радовалась. Интересно чему? Вот чему ей, глупой, было радоваться?' – мысли о болезни овладели ею с новой силой. Аня взяла небольшое зеркало и стала в него смотреться: кожа лица показалась ей бледной, круги под глазами какими-то более явственными, второй подбородок подтянулся, стал меньше, зато больше обмяк, а щеки выглядели впалыми. Аня, как часто в последнее время, не замечая этого, облакала свои мысли в форму диалога самой с собой:

- Нет, как-то я плохо выгляжу. А когда ты хорошо в последний раз выглядела, идиотка?
- Ничего не сделала сегодня, а только целый день себя разглядывала.
- Кто это себя так пристально разглядывает в здравом уме? Какой-то болезненный интерес к собственной персоне.
- Если так на себя смотреть и к себе прислушиваться, можно еще и не такое заметить.
- Ладно, придет Феликс, поговорю с ним. Если ему ничего не заметно, значит я просто выдумываю: и худобу, и бледность, и ... рак.

Было уже часов семь, а Феликс все не шел с работы. Черт бы его побрал. Что он там копается со своими психами. Желание видеть мужа, немедленно, овладело Аней. Она легла на диван в верхней гостиной и стала его ждать, он должен был с минуты на минуту появиться.

Почему-то она принялась вспоминать, как они познакомились. Воспоминания о той ночи были необыкновенно отчетливыми. Аня очень давно ни о чем таком не вспоминала, а тут все те события нахлынули на нее, как будто все происходило буквально вчера. Аня даже удивилась этой странной отчетливости. Все вернулось: погода, люди, детали обстановки, слова, запахи, шумы ...

Ей было тогда в начале 70-ых двадцать шесть лет и она была не замужем. Тогда это считалось поздно, но Аня за себя не волновалась. А нее было много знакомых мужчин, некоторые из них были в нее влюблены и по обычаю тех времен, приглашали в ЗАГС, но Аня не спешила, знала, что каким-то образом она узнает, что пора ... мужчины появились в ее жизни рано, лет в 16, она могла бы уже давно 'пойти замуж' и раньше, ей всегда было за кого, но она не хотела. У нее позади был институт, педагогический, не слишком престижный, не такой, о котором мечтал папа. Аня окончила странный малоизвестный факультет: преподавание физики на французском. Это был даже и не факультет, а просто небольшое отделение при физическом факультете. Аня пошла туда, тщательно все взвесив: она выполняла одновременно и мамино и папино желания, да притом заранее была уверена, что учиться ей будет нетрудно, а трудностей она не любила. Перспектива быть учительницей ее не пугала. Ей было известно, что она ею не будет, если не захочет. Отделение было создано, якобы, для подготовки учителей для спецшкол, а на самом деле вовсе не для этого. Их готовили для работы за границей, в Африке, в недавно образовавшихся демократических странах, бывших колониях, вступивших на путь 'социализма'.

Когда Аня на распределении увидела молчаливых любезных, но настойчивых дядек с военной выправкой, но без формы, приглашавших их поработать за границей, заманивающих их 'интересным опытом' и валютными сертификатами в Березку, она поняла, что была совершенно права. Отделение давало возможности, которые иначе бы Ане не представились. Она, поговорив с обаятельным молодым человеком, на два года поехала на работу в Того. Конечно она знала, что с их отделения ребят посылают за границу, но сама особенно никуда не собиралась. Ей казалось, что из-за папиной работы ее, разумеется, никуда не пустят. Когда 'обаятельный' заговорил с ней о распределении, она сразу его спросила насчет папы, и что у нее 'особые обстоятельства'. Человек из 'конторы', чуть улыбнувшись, уверил ее, что 'им все известно, и что они очень доверяют ее семье'. Тут и думать не стоило ... отчего б не съездить!

В общем в это время Аня была молодой, весьма уверенной в себе женщиной, с определенным жизненным опытом, при этом отнюдь не школярски-молодежным. В командировку за границу она съездила и ... нет сейчас Аня не хотела об этом вспоминать. Аня улыбнулась, вспомнив, что она тогда даже отвыкла, что она 'Аня', вовсе она была уже никакая не Аня, а Анна Львовна Рейфман. Аня знала, что ее красиво зовут. 'Анна' ассоциировалась с Анной Карениной и Анной на шее, 'Львовна' – шикарно: не 'Сергеевна', не 'Петровна', а именно 'Львовна' – не то, чтобы по-еврейски или чисто по-русски. Было, конечно, много евреев 'Львов', но был же и Толстой. А фамилия ... вот тут начиналось интересное. Анин папа Лев вовсе и не был евреем, он был немцем, давным-давно обрусевшим, но немцем. Пусть по-немецки 'рейф' с произносившимся 'э' обратным, означало все лишь 'бочку', т.е. Аня была бы в Германии просто какой-нибудь Бочаровой или Бочкиной, но ... все равно. Ее далекие предки были скорее всего обычными ремесленниками. А вот мама ... да, мама была еврейка, но ... для Ани все это было не так уж важно, от антисемитизма она никогда не страдала. Никто в школе, и тем более в институте ее не дразнил. Кто бы посмел ... Родители дали ей правильные, красивые черты, но не так, чтобы уж слишком национальные.

Она тогда как раз недавно вернулась из Того и знала, что больше она туда не вернется, хватит с нее. Провести там остаток молодости ей не улыбалось. Чем заняться было пока неясно. Школа ее всегда ждала, технический перевод тоже ... но Аня размышляла, родители ее не

торопили. Прекрасно одетая, ухоженная, непохожая ни на маминых еврейских гуманитарных интеллигенток-преподавателей, ни на папиных высоколобых физиков, Аня с легкостью влилась в московскую золотую, слегка богемную молодежь. Они ходили по ресторанам, модным кафе, театрам, на скачки, читали самиздат и Аня, через приятеля-физика, попала в театр МГУ и там пришлось ко двору. Ах, какой это был спектакль! Совершеннейшее 'ретро', бель-эпок, начало века. История неразделенной любви Вертинского к знаменитейшей актрисе немого кино Вере Холодной. Аня, собственно, и сыграла-то там только в одном спектакле и взяли ее туда из-за невероятно подходящей фактуры. Все было так интересно, здорово: она – дама в вуалетках, шапочках-менингитах, шляпах, свободных шелковых платьях, и маленьких туфельках с круглыми носками. А грим ... бледное лицо, яркие губы, мушки на щеке, обведенные черным глаза. Ее пушистые, еще не коротко стриженные светлые 'скандинавские' волосы, то в сложных пучках, то уложенные завитками, со сложной челкой. Аня принимала разные красивые позы на козетках, лежала в пижамах на диванах и курила папиросы с длинными мундштуками. Лощеные мужчины-кокаинисты целовали её ладони, стояли на коленях, заламывали руки, читали стихи, а скромный Пьеро-Вертинский пел романсы. А она, Вера Холодная, жена скромного московского юриста так и осталась верна скучноватому мужу. Аня помнила сцену, когда Вертинский поет, посвященный ей, Холодной, романс 'ваши пальцы пахнут ладаном', она возмущена, потому что ладаном пальцы пахнут у мертвых. Вертинский снимает посвящение, но на следующий год, Холодная умирает от 'испанки', умирает красиво в традициях серебряного века ... и звучит романс Вертинского. К сожалению остальные спектакли Ане не нравились, да ее в них никто и не приглашал. У нее тогда был короткий роман с 'Вертинским', он, кстати, хорошо пел и играл на гитаре, но был изломанным, капризным парнем, аспирантом физического факультета, способным, но невероятно ленивым и не умеющим отличать роль от жизни. Интерес к 'Вертинскому' проходил вместе с интересом к театру. Но там, в труппе она четко поняла, что действительно красива. Ей об этом открытым текстом говорил режиссер, ставший потом очень известным.

Аня прекрасно себя помнила: невысокая, чуть ниже среднего роста, стройная, пропорционально сложенная, обтекаемо-кругленькая, но совершенно нигде не полная. Почти всегда на каблуках, в высоких модных сапогах, изящных шубках. У нее было, по выражению матери, породистое лицо, хотя мать, говоря про 'породистое лицо', никогда не имела в виду свою дочь, во всяком случае открыто она ею не восхищалась. Небольшой нос с горбинкой, круглые совиные зеленые глаза под тяжелыми, всегда накрашенными, веками, пухлые губы и широкие скулы. Аня была натуральная блондинка, одно время она подкрашивалась в 'пепельный' цвет, но потом ей надоело. Волосы у нее были прямые, жестковатые и густые. Их можно было по-разному уложить и Аня приобретала сразу другой вид. Ей шли стильные стрижки с разными челками и проборами. Для того, чтобы сделать свои волосы волнистыми, Ане пришлось много потрудиться, да волны особо и не держались. Она сильно красилась: глаза обводила черным, густо накладывала тушь на ресницы, чтобы они выглядели 'стрельчатыми', на веки – голубые или зеленые тени, которые ей блондинке очень тогда шли. Румянами она почти не пользовалась, зато губы часто красила красной помадой, составляя умело выверенный контраст с бледным тоном. Косметики на ее лице было много, и вся эта 'боевая раскраска' могла бы на другой девушке, попроще, показаться нарочитой, вульгарной, но не на Ане. Просто она выдерживала несколько театральный стиль, образ Веры Холодной довлел над ней, долго не отпускал. Вот какая она тогда была: броская, яркая, с холодным, холеным лицом то ли недоτροги, то ли дорогой содержанки, то ли актрисы, то ли светской дамы.

Ее внешний вид людей обманывал: под внешним обликом кокетки таился интеллект и глубина. Аня это знала и иногда пользовалась этим внешним диссонансом с мужчинами. Она все время играла какую-то роль, не то, чтобы не желая быть самой собой, а просто не очень-то и зная, какая она была на самом деле. Могла сыграть всякую, но ... на какой роли остановиться

было пока неясно. Очень уж у нее разные были папа с мамой. Она, их дочь, не хотела ни на кого из них походить, а походила, естественно, все равно. Еще даже до ее поездки в Того папа доставал вещи из 'спецраспределителя', а уж после Африки, когда у нее самой появилось немало сертификатов, Аня стала одеваться совсем уж шикарно. Да, это что! Еще у нее был целый штаб 'спекулянтов', 'фарцовщиков', у которых она втридорога покупала заграничные немного ношенные вещи, которых ни у кого не было и быть не могло. Таких поставщиков у Ани было два: жена артиста из хора Пятницкого, и танцор из Ансамбля Моисеева, который привозил барахло чемоданами, купив его за копейки в секунд-хенде. Правда в конце 60-ых тогда Аня ничего этого не знала.

Тот день и вечер она запомнила очень хорошо. Январь. Они с ребятами решили встречать старый Новый год. Аня любила этот праздник: никаких родителей, родственников, обязательств. Пошли к Семену Захарову, художнику-графику. У него была небольшая запущенная квартира на Тверской-Ямской во флигеле во дворе, а еще на чердаке этого старого дома – мастерская, в которой он не очень-то нуждался, но поскольку он был членом Союза, мастерская ему полагалась.

Аня помнила как она туда весь день собиралась, сбегала в магазин за чулками, они были тогда все шелковые, со швами и очень быстро рвались. Начала складывать на кровать все, что она собиралась надеть и оказалось, что на паре черных чулок 'дорожка'. Пришлось идти в универмаг. Мать правда предлагала быстренько 'дорожку собрать', но ... еще чего! Идти в чулке с 'меткой'. Аня привыкла, как учила ее тетушка, мамина сестра, одеваться тщательно: еще неизвестно, как мог бы закончиться вечер, с кем и где. Платье у нее было просто сногшибательное, и надевала она его в первый раз. Из черного синтетического, невиданного бархата, эластичного, облегающего фигуру, забранное какими-то швами, то собирающими платье в гармошку, то образующие цветы с серединкой узелком. Там еще был большой круглый вырез, и ярко-синий бант, с ассиметрично выступающим уголком. Спереди струился большой разрез, через который довольно высоко виднелась нога в черном чулке. Прическу она себе сделала 'волосок к волоску', надела маленькую норковую шапочку, и высокие сапоги. За ней кто-то заехал на машине ... кто же это был? Вроде Сашка Архипов, доктор скорой помощи. Компания у них состояла из разных людей. Аня уже надела длинную бежевую дубленку и взяла в руки сумку и другую специальную сумку для туфель. Было еще совсем не поздно. А тут из комнаты вышла мать в шелковом халате в экзотических цветах. У нее таких было несколько.

– Анечка, куда ты идешь?

– Мам, ты же видела, что я собираюсь в гости. Сегодня, как ты знаешь, старый Новый год.

– А что мне ваш православный Новый год? Я его не праздную. Я тебя просто спросила, куда ты идешь?

– А я праздную. Что тут такого? Я иду к друзьям.

– К кому?

– Мам, какая разница? Ты их не знаешь. Ане были не слишком приятны маминны вопросы. Дикость, что ей, давно такой опытной, надо было отчитываться перед матерью.

В коридор вышел отец:

– Да, ладно тебе, Фрида. Оставь Аньку в покое. Давай чай пить.

– Пусть хоть скажет, когда вернется.

– Мам, я не могу тебе этого сказать. Честно. Откуда я знаю. Не беспокойся.

– Ну, ты вообще-то придешь? Мне кажется ты должна ночевать дома.

– Мам, ты опять за свое? Ты блюдешь мою нравственность? Зачем? Ты боишься, что меня из комсомола выгонят? А? Боишься?

Зачем она провоцировала мать, Аня и сама не знала. Можно подумать, то ей самой улыбалось быть выставленной из комсомола. Она, что дура? Мама промолчала, отец кажется собирался что-то сказать, но раздумал. Аня вышла, на улице, около подъезда ее ждала черная Волга Сашкиного отца, какого-то начальника из министерства здравоохранения, который на ней почти не ездил, т.к. у него была служебная машина.

Она уселась, но перед тем, как захлопнуть дверь, посмотрела на их окна на четвертом этаже. Разумеется, мать отодвинув штору, смотрела вниз. Кто приехал ... какая машина. А может и соседи смотрели. Аня знала, что про нее во дворе, где жили только папины сотрудники, разное говорили, да может и не всегда хорошо. Ей было наплевать. Да, нет, неправда, не наплевать! Ей нравилось, что говорили 'плохо'. Так было интереснее. У соседей были скучные 'правильные' дочери в очках и стоптанных ботах, которые почти все учились в Физтехе или в МИФИ. 'Куда им до нее. Она уже в Париже ...', – Аня к тому времени конечно знала Высоцкого, и была с ним разок в одной компании, где он пел, несколько раз приглашал ее покурить на лестницу, а потом быстро напился. Низенький коренастый пьяноватый Высоцкий ей как 'мужик' не слишком понравился.

Как и договаривались, Сашка повез Аню к Семену. На Тверской-Ямской было совсем пустынно. Арка во двор была узкая и машину они припарковали на улице, у обочины. В машине Аня сняла сапоги и надела мягкие замшевые туфли на довольно высоком каблуке. Пройти через двор было всего-ничего. Дверь в квартиру была открыта, слышался шум, музыка, запахи еды. Места было мало. На кровати в спальне были свалены пальто и шубы, посреди столовой стоял круглый стол, и рядом на пятачке кто-то танцевал. Большинство ребят стояли по стенкам, кресло и диван были заняты. Аня многих знала, почти всех. Эти ребята уже что-то представляли сами по себе, а не были просто чьими-то детьми. Ее платье явно произвело впечатление, в квартире не было человека, который бы не взглянул на нее, мужчины и женщины смотрели по-разному, но к этому Аня давно привыкла. Сашка накинудся на выпивку, был оживлен, очень весел, и как обычно козырял грубоватым врачебным юмором:

– Эй, братцы! Вы бы тут полегче с выпивкой и женщинами ... а то ... врежете. Не вздумайте завтра дохнуть! Я в ночь дежурю. Вот только попробуйте в мою смену кони двинуть. Смотрите мне!

Подошла Маринка, маленькая худенькая молодая женщина, с ярко синими глазами и типично еврейской внешностью. Она работала анестезиологом в клинике Петровского. Маринка, дочь зав кафедрой тактики академии бронетанковых войск, профессора, генерала Краснова и толстой еврейки Фани Моисеевны, жила в пятикомнатной квартире, в доме правительств на Берсеневской набережной. Аня с ней дружила, и много раз бывала в этой квартире, окнами на Кремль. Маринка, мать семилетнего Димки, уже не жила с мужем-врачом, а в компанию пришла с другом, военным, испытателем вертолетов. Маринка была единственной, кто решился высказать свое восхищение платьем открыто:

– Ой, Нюр, какое у тебя платье! Я просто балдею.

– Да, Марин, я знаю. Сама на себя люблюсь. Люди смотрят, вот только не знаю, на меня или на платье.

– Ай, брось! Ты себе цену знаешь, Нюра, моя дорогая. Ты, мать, – птица высокого полета. Ты с кем пришла?

– Да, ни с кем. Меня Сашка привез, да он ни при чем ... ты же знаешь.

– Ну да, ну да ... Нюр, с тобой сегодня что-то будет ... И платье твое сегодня ... не просто так.

- О чем ты говоришь. С кем здесь у меня будет? Ничего не будет.
- Будет. И не здесь, и не с ними ...
- Что ты имеешь в виду?
- Я имею в виду, что нам с тобой надо отсюда отвалить. Я знаю, куда мы поедем ...
- Куда?
- Потом скажу. Сейчас мы с тобой поедем, выпьем и ... отвалим. По-английски ... ладно? Я тебе плохого не посоветую, ты же знаешь. Да Нюр, знаешь?

Маринка нырнула в коридор и Аня подошла к Зое, высокой модели с Кузнецкого. Потом ей удалось сесть на диван. Кто-то за ней ухаживал, клал еду на тарелку, приносил выпить, даже старался рассмешить. Шутки были довольно смешные, но Аня не смеялась, а только улыбалась. Заразительно смеяться она себе на позволяла. Это не вязалось с ее имиджем 'роковой красавицы', 'женщины-вамп'. Что это она, королева, будет хохотать. С 'пажами' сегодня было, как всегда: их было много, но количество не переходило в качество. Вскоре она была уже здорово навеселе, вышла в ванную, накрасила губы, поправила глаза, проверила швы на чулках. Сегодняшний 'паж' стал настойчиво тянуть ее куда-то с ним ехать, вроде даже к нему домой. Как все это было неинтересно. Аня заранее знала, что будет ... ничего особенного. Это 'ничего особенного' было совершенно предсказуемо, 'дежавю'. 'Паж' скорее всего будет потом хвастаться, что ему сама Нюрка Рейфман ... нет, представьте себе ... 'сама Нюрка'! Нельзя сказать, что подобная слава Аню сколько-нибудь серьезно трогала, но сегодня у нее не было настроения так проводить остаток ночи, у нее были другие планы. 'Паж' тащил ее в коридор и лез целоваться. 'Так, хватит ... ты, милый не достоин ни моего сумасшедшего платья, ни даже моих шелковых чулок. Мало каши ел' – парень вдруг показался Ане каким-то слишком убогим и неприятным. 'Тоже мне ... даже смешно.' Она вдруг разозлилась: 'Ты что это расхотелся? Убрал руки! Ты меня не понял?' Парень обиженно отошел.

'Нюр, давай тихонько, двигай в коридор. Мы уходим' – Марина держала ее за локоть.

Аня взяла в куче на кровати свою дубленку и стала искать в коридоре у двери сапоги, но вдруг вспомнила, что сапоги она оставила у Сашки в машине. 'А где Архипов-то?' – Аня снова зашла в комнату и убедилась, что его нигде нет. Марина с вертолетчиком ее ждали. 'Тьфу, черт, Сашка, видать уехал. У него в машине мои сапоги ... я же в туфлях осталась. Ну, он дает ...' – Сашка, дрянь такая ... даже ей ничего не сказал. Впрочем, она же тоже уходила не попрощавшись. Про сапоги ее он конечно забыл. Ребята вышли на улицу, где лежал мокрый холодный снег, испещренный птичьими лапками. Анины ноги сразу промокли, но жаль ей было не ноги, а туфли. Вертолетчик, которого кажется звали Коля, стал им от арки махать руками – нашел такси. Он сел впереди, а девочки сзади. Аня почувствовала себя усталой и сонной. Надо было ей домой возвращаться, а теперь ... она даже не знала, куда они едут:

– Марин, а куда мы едем? Может вы меня домой завезете. С меня на сегодня хватит. Новый год мы встретили ...

– Нюр, просыпайся, мы уже приехали ... давай, выходи, прохладись на ветерке. Там замечательная компания. Одни врачи. Ты же у нас любишь врачей? Любишь, любишь ... я знаю.

– Да, люблю, признаюсь, но сейчас я что-то не в форме. С женщинами Аня вела себя совершенно по-другому, чем с мужчинами. На Колю-вертолетчика она вообще внимания не обращала. К чужим мужикам лезть у нее просто не было необходимости.

Подруг у нее было немного, но были ... все молодые профессионалки, знающие себе цену и с определенным жизненным опытом. С ними она расслаблялась и могла говорить и делать, что хотела. Делить им было нечего. Марина вышла из такси, Коля остался заплатить, и девочки какое-то время стояли перед большим сталинским домом. Аня узнала Садово-Кудринскую.

Самый центр. Она поняла, что сейчас в новой компании ей вновь придется стать 'королевой' и показывать свое платье, блистать! Это было хорошо, но с другой стороны немного уже лень. Хмель почти прошел, хотелось лечь, и снять мокрые и нелепые на снежной улице туфли. Коля подошел, и подхватил их обеих под руки. 'Девчонки, за мной!' – а он был ничего этот Коля-военный. Аня Маринку понимала. Они сколько-то проехали в мягко ползущем лифте и вышли на солидную лестничную клетку, где было всего две квартиры. Аня хотела бы задать Марине кое-какие вопросы про хозяина, но не успела. Коля позвонил и какой-то молодой мужчина широко раскрыл перед ними дверь. 'Ага – подумала Аня, вот оно что! Ну, что ж ... может Маринка и права ... может и не зря я ехала'.

Парень помог снять Ане шубу и внимательно взглянув на ее туфли, предложил ей какие-то мягкие тапки. 'Нет, нет, ну что вы. Мне ничего не нужно. Только еще не хватает, чтобы ее платье сочеталось со шлепанцами'.

– Феликс, знакомься. Это Аня, помнишь я тебе о ней говорила. Мы ее среди своих Ньюрой называем.

– Здравствуйте, Аня. Я – Феликс Панов. Марину я очень давно знаю. Мы когда-то учились вместе. Она мне действительно о вас говорила и вы оказались еще красивее, чем я мог себе представить.

– Так, начинается. Весьма банальное начало. Мне тоже очень, Феликс, приятно. Аня заиграла глазами из-под челки, и протянула ему руку, капельку выше, чем для рукопожатия. Феликс чуть наклонившись, поцеловал ей руку, несколько не смутившись. Проходите в гостиную ... не стесняйтесь. Что вы будете пить? Есть джин, вино, коньяк ...

– Чуть коньяку, пожалуйста. Аня шла к дивану, бедра ее чуть покачивались из стороны в сторону, без нарочитой вульгарности, просто чтобы 'показать' осанку и платье. Она прекрасно знала, что Феликс на нее смотрит.

Они с Маринкой уселись на диван. Вертолетчик принес им рюмки с коньяком на доньшке.

– Марин, а кто этот Феликс?

– Что ты имеешь в виду, кто? Сама узнаешь. Сама ему свои вопросы задашь.

– Ну-ка, Марин, прекрати. Это его квартира?

– Ну, да, его. Видишь старая, довольно большая, тут еще три комнаты. Это ему все от дедушки с бабушкой досталось. Дед у него был академик, умер давно. Он тут и жил с бабкой, она умерла и квартира попала в его распоряжение. Он тут не хочет ничего менять. Говорит ему и так нравится. Я бы все сменила на современное.

– А я бы – нет. Так лучше, и в этом что-то есть. Смотри стол ломберный, какая прелесть.

Ну, на черта тебе ломберный стол? Если буфет выбросить, столько было бы места. Но Феликс даже за бабушкин хрусталь держится.

– Правильно делает. Ане подумалось, что ее 'Вере Холодной' было бы правильно жить в таком доме. У них дома на Расплетина было совсем не так. Мебель добротная, но, разумеется, не такая уж и старинная.

– Марин, ты мне о нем расскажи. Он какой врач-то? А ты заметила, он меня не захотел Ньюрой называть. Это хорошо.

– Ньюр, а тебе что, не нравится, что мы тебя Ньюра называем?

– Да, нравится ...но какая я ему Ньюра? Я его в первый раз вижу. Так какой он доктор?

– Ой, тебе не понравится ... несерьезный доктор, я считаю ... говорили мы ему, не послушал...

– Ну! Говори! Гинеколог?

– Хуже. Маринка хихикнула. Он – психиатр, причем хороший и работает в институте судебной психиатрии. Ему 30 лет. Пару лет назад он защитился. Поняла?

Аня поняла и замолчала. Институт Сербского – это было серьезно. Феликс пока к ним не подходил, сновал между гостями, среди которых были и довольно пожилые люди, все осанистые, с интеллигентными лицами. Никто не сидел за столом, люди стояли с бокалами и рюмками в руке, кое-кто сидел в креслах и на диване. Разговаривали, смеялись и явно были расслаблены, среди 'своих'. Аня все время следила за Феликсом. В комнате было полутемно, горели настоящие свечи, лица в этом неясном свете казались бледными, нечеткими, все краски были приглушены. Аня еще подумала, что ее прекрасный ярко-синий бант на корсаже тоже выглядит тускло, а жаль ...

Феликс был по-настоящему красив: чуть выше среднего роста, крепко сбитый, но вовсе не раздавшийся, из тех, чье, совершенно пропорциональное тело, лучше выглядит в хорошей, дорогой одежде, чем раздетым. Вряд ли Феликс обладал специально накаченными мышцами, если он и был сильным и координированным, то от природы, не от занятий спортом. Ему 30 лет, и он кандидат наук. Разве у него было время бегать с мячом? Синие глаза, уж глаза, какие глаза! Не светлые, не серые или голубые, а именно васильково-синие. Аня давно не видела таких глаз. Да еще длинные черные ресницы. Да, мужику и не нужны такие ресницы, он бы вполне мог удовлетвориться более короткими. И ... 'брови взлет' – слова песни сразу пришли на ум. Каштановые густые волосы. Брился он, видимо, давно, и черная густая щетина уже чуть 'подсинила' его щеки, придавая Феликсу какой-то очень зрелый вид. Его и парнем-то язык не поворачивался назвать. Не 'парень' он был, а 'мужчина'. Разницу Аня очень хорошо понимала. Пора 'парней и девчонок' для нее тоже давно миновала.

Много она видела красивых мужчин, некрасивых у нее почти не было. Это было само собой разумеющейся характеристикой, но в случае Феликса дело было вовсе не во внешности. А в чем, Аня пока и сама не понимала. Что-то, наверное, во взгляде: пронзительность, острота, ум, власть ... трудно объяснимые вещи.

За окнами стало чуть светлеть, пока еле заметно. Было между пятью и шестью часами утра, Аня очень устала, но домой ей уже не хотелось. Вот она эта ночь: она увидела Феликса, а он увидел ее. Заиграла какая-то медленная музыка по-английски, Феликс подошел и они пошли танцевать. Комната была довольно большая и они даже немного затерялись среди других пар, никто не обращал на них внимания. 'Ну, Маринка-то смотрит. – подумала Аня, но Маринка не смотрела, ее уже вообще нигде не было'.

– Вы Марину ищите? Они уехали.

– Надо же, уехали ... я и не заметила. Феликс, уже почти утро. Мне тоже пора.

– Аня, мне не хочется вас отпускать. Но, если вы устали ... я вызову вам такси. Вызвать?

– Да, пожалуйста. Я действительно устала.

Руки Феликса лежали у Ани за спиной, но он не пытался переместить их ниже. Все эти штучки с вульгарным лапаньем ему совершенно не шли. Он просто на нее смотрел, пристально, почти не отрываясь. Это было завораживающе приятно, и неприятно одновременно. Аню будоражил и его взгляд и его руки. Но она от него устала, ей хотелось оказаться дома и подумать.

Минут через двадцать она уже сидела в такси. Феликс вышел на улицу и заранее расплатился с шофером. Аня и сама могла бы заплатить, но ... он соблюдал этикет, принятый для людей их круга. Но был он Ане 'свой' или нет, она пока не понимала. В семь часов мать еще спала, а отец собирался на работу. Посмотрев на Аню, он понимающе хмыкнул, но ничего не сказал. В постели, перед тем, как уснуть, она подумала, что Феликс не попросил у нее телефона, не высказал никакого желания ее вновь увидеть. Это было странно, но каким-то образом

в 'его духе'. Откуда Аня могла тогда знать, каков был 'его дух'? Но, она догадывалась. Впрочем, она и сама была не уверена, что она так уж хочет его снова видеть. Она даже чувствовала, что играть, как обычно, в королеву у нее с ним не получится. Он просто не примет условий такой игры, потому что, какой из него 'паж'...

Прошло несколько дней, может неделя. Важная это была неделя. Аня так раз заканчивала курсы переводчиков Интуриста, находившиеся в здании гостиницы Метрополь. Ну курсы – и курсы: какая-то довольно скучная муть про памятники архитектуры ... русское зодчество 'восьмерик на четверике', сокровища Грановитой Палаты, какова высота высотных зданий, сколько на что пошло бетона, количество студентов в МГУ, какие-то многочисленные цифры, которые надо было просто запомнить. Пришлось учить различные стили в архитектуре и живописи ... Москва студенческая, купеческая, церковная и прочее. Все по-французски, но это было как раз не самое трудное. Аня решила поработать в техническом бюро Интуриста, т.е. с фирмачами на переговорах и всякого рода наладках оборудования. Все лучше, чем про Кремль и Колокольню Ивана Великого. На этой неделе она как раз пошла на собеседование. Люди с техническим образованием, с хорошим беглым французским и опытом работы за границей были нужны, и Аня была на сто процентов уверена, что ее возьмут, даже с фамилией Рейфман, про которую 'там где надо' было известно. В небольшом зале сидело три человека, две тетki и мужик. Аня была скромно одета, но умело покрашена: посыл должен был быть им всем ясен: девушка – советская комсомолка, но перед фирмачами в грязь лицом не ударит, т.е. все при ней ... Дядечка был, конечно, из конторы и это было явственно видно. Темно-серый костюм, белая рубашка с плохим галстуком и отечественные туфли, офицерского вида. 'Ага, с ним-то я и поговорю. Тетки тут для галочки' – сразу сориентировалась Аня. Разговор длился совсем недолго и результат был совершенно для Ани неожиданный:

– Понимаете, Анна Львовна, у нас нет никаких сомнений в вашей профессиональной квалификации. Вы и курсы закончили на 'отлично'. Но вы же знаете, где работает ваш отец, Лев Степанович Рейфман ...' Дядька выжидающе глядел на Аню. Что ей надо было ему ответить? 'Да, мол, я прекрасно знаю, где работает мой отец. И дальше что ...'

– Да, мне разумеется известно, где работает мой отец. В Институте Курчатова ...

– Вам также известно, чем он там занимается?

– Нет, отец никогда не говорит со мной о своей работе.

– А как вы думаете, с вашей профессиональной подготовкой, вы смогли бы понять суть его исследований, если бы он счел возможным вам о них рассказать?

– Да, я уверена, что суть я бы поняла, без технических подробностей.

– Вот видите, Анна Львовна... – повисла многозначительная пауза.

Что Ане должно было быть видно ... впрочем, все было ясно: ей сейчас надо было просто промолчать. На подобных беседах, надо было только слушать и отвечать на конкретные вопросы. Ане все про это дело понимала. Ей бы и в голову не пришло ни задавать вопросы, ни пытаться что-либо объяснить. Тут были свои правила игры, и Аня их знала. Она просто сидела и ждала продолжения. Понятно, что ее не возьмут, но может еще что-нибудь сочтут нужным сказать.

– Вас, наверное, удивляет, что страна послала вас в Того учить детей физике, а вот сейчас у нас к вам вопросы...

– Эх, опытный, зараза, сразу понял, о чем она подумала. Именно это ей и пришло в голову.

– Ведь вы же, скорее всего, задаетесь этим вопросом?

– Ой, да задаюсь, задаюсь ... давай, уже, телись ... Аня серьезно смотрела на гебиста, надеясь, что на этот раз, он ее мысли не читает. Сейчас он явно ждал ее ответа.

– Да, нет. Это не одно и то же. Я понимаю. Вам виднее, где мне лучше работать. У отца действительно ответственная работа ... Аня замылась.

– Ну вот, видите, вы и сами все понимаете. Того – развивающаяся братская страна, вставшая на путь демократических преобразований, наш долг им всемерно помогать, а тут ... совсем другое дело. Представители капстран, с которыми вам пришлось бы работать, могут оказаться агентами спецслужб, и их мишенью вполне может быть тов. Рейфман, ваш отец. Поэтому в сложившихся обстоятельствах мы считаем нецелесообразным направлять вас на такую работу. А вы как, Анна Львовна, считаете?

– Да, я тоже так считаю. Формулировка 'нецелесообразно' была обтекаемой и типичной. Понес ее черт на эти курсы. Сама, правда что – дура.

– Я понимаю, о чем вы думаете. Заканчивали курсы, старались, а тут ... не понадобилось. Жаль. Так, ведь? Но, мы можем вам помочь в поисках работы. Вам, ведь, нужна работа?

– Ага, этого еще не хватало! Идти к ним в контору, да, ни за что. Так сразу и не откажешься ...

– Спасибо за вашу готовность мне помочь. Я тогда скорее всего пойду на преподавательскую работу. Она мне знакома. Я должна подумать. А насчет курсов, не беспокойтесь. Знания никогда не бывают лишними. Мне там было очень интересно учиться.

– Всего хорошего, Анна Львовна. Было приятно с вами побеседовать. Успехов вам! Если надумайте обратиться ко мне за помощью в трудоустройстве, звоните. Вот вам мой телефон.

– Хрен я тебе позвоню. Еще чего! Ладно ... проехали.

Аня вышла за дверь и почувствовала, что устала. Теперь ей было ясно, что ей с самого начала не стоило даже и рассчитывать на техническое бюро. Глупость она сморозила. Отец ей, кстати, говорил, что не стоит ... Не послушала. Как всегда. Надо же быть такой душой! Да, ладно. Черт с ними. Обойдется. Лишь бы гебист отвязался. Не хватало ей конторы за спиной. Она, конечно, и так была всегда за спиной, особенно, учитывая папу, ее образ жизни, диплом, работу в Того ... но, как бы они совсем уж не начали дышать в затылок! У Ани испортилось настроение. Родителям придется сказать, что не взяли. Папа скажет, что он 'говорил', а мама ... мама просто расстроится, будет еще больше за нее бояться. Хотя, куда уж больше. Аня вовсе не была наивной, события ее жизни полностью вытеснили из ее сознания последние проблески простодушия. Не дай бог ей не удастся отвязаться от ГБ. От них всего чего угодно можно было ждать. Что предложат? Быть стильной дорогой проституткой и болтать с клиентами в постели? Стучать на друзей? На тех, у кого она брала самиздат? Разрешат работать в Интуристе при условии, что она будет писать на своих 'капиталистов' рапорты? Посадят на прослушку разговоров из номеров? Ну, да, так вполне могло бы быть, Ане стало не по себе. С ребятами ей уж точно не следовало ничего этого обсуждать. Она совершенно не была уверена, что они 'там' не служили, ни один из них. Аня, как и ее родители, привыкла быть предельно осторожной.

Вот какая у нее была неделя ... Феликс начал как-то забываться. Да, черт с ним. И вдруг вечером, мама позвала ее к телефону. Это был он: низкий голос, культурная речь, прекрасная артикуляция всех гласных. Так разговаривают не в первом поколении интеллигентные люди. Их такому и не учит никто. Само получается. Впрочем, все эти нюансы речи и улавливают такие же, как они сами. Нерушимые культурные коды, недоступные непосвященным.

' Ага, Маринка дала ему мой телефон' – сразу подумала Аня.

– Аня? Добрый вечер! Мне ваш телефон дала Марина. Ничего? Вы не сердитесь, что я позвонил?

– Так, так ... церемонно. Вот, значит, как ты хочешь играть? Ладно.

– Да, нет, что вы, Феликс. Марина правильно сделала. Как вам в голову пришло, что я могу рассердиться.

– Ну, тогда, хорошо. Я рад слышать ваш голос. Мы можем сегодня встретиться? Впрочем, вы, может быть, заняты. Я не должен быть слишком настойчив.

– Да, хватит этих цирлих-манирлих... Нет, Феликс, у меня как раз свободный вечер. И, конечно, мы можем встретиться. Дайте мне немного времени на сборы и я приеду, куда вы скажете.

– Нет, нет, Аня, я сам за вами заеду ... ну скажем через пол-часа. Марина мне дала ваш адрес. Выходите к подъезду ...

– Ничего себе: адрес узнал. Значит был уверен, что поедет, что я захочу его видеть. Интересно. Прекрасно, посмотрим ... еще раз на этого Феликса.

Аня повесила трубку и побежала одеваться. Ее охватил восторг странного ожидания, возбуждающего нетерпения. Что надеть, что надеть ... куда мы пойдём? Так, оденемся скромно и стильно: узкая серая юбка, черный обтягивающий свитер с ярким шарфом, и толстые дорогие чулки без шва. Сапоги, дубленка ... нет не шапка, а пуховый свободно облегающий голову платок. Косметика минимальная.

– Ты это куда, на ночь глядя?

– Мам, ты за свое? Ну, хватит. Я – не маленький ребенок.

– А кто тебе звонил? Я его голос не узнала.

– Мам, ты что хочешь узнать? Имя? Должность? Звание?

– Аня, ты что, совсем не умеешь по-человечески разговаривать? Что я у тебя такого особенного спросила?

Из кухни выглянул отец, которого вся ситуация насмешила.

– Анька! Да, ты никак на свидание собралась? Это же хорошо. Мама просто хочет что-нибудь про молодого человека узнать ... что ты злишься?

– Никакой он не молодой человек.

– Господи. Как это? Он, что, Ань, старый? Старше меня?

– Ну, пап ... Ладно, я пошла ... не ждите. Все со мной будет в порядке.

Когда Аня вышла на улицу машина уже стояла. Серые новые Жигули. Феликс вышел и открыл перед ней дверцу.

А потом ... а что потом. Все было как-то странно, не 'по правилам'. Аня была уверена, что они поедут в ресторан, может какой-нибудь клубный : в дом Актера, или в что-нибудь в этом роде, но они поехали прямо на Садово-Кудринскую. Вошли в его уютную квартиру, Феликс помог ей раздеться и повел на кухню. Там был накрыт стол, кое-что он вытащил из холодильника. Еды было немного, одни закуски. Никакого горячего, но что Аню удивило больше всего – это отсутствие выпивки, просто минеральная вода. Потом Феликс сварил кофе и достал маленький венгерский торт Марику. Он наклонился к ней через стол и взял в свою руку ее ладонь:

– Аня, вы, ведь, знаете, почему я вас пригласил к себе. Это был не вопрос, а утверждение. Следовало сказать правду, хотя это и было странно. А поиграть ...

– Да, знаю. Аня серьезно смотрела прямо в его пронзительные глаза.

– Я понял, что вы знаете, потому что вы согласились. Я уверен, что мы хотим одного и того же. Я редко ошибаюсь ...

По правилам игры Феликса следовало немедленно наказать за самонадеянность, и сделать вид, что 'ничего она не хочет', 'ничего она не знала...!', но каким-то образом Аня почувствовала, что любые попытки применить обычную тактику будут неуместными, что она его разочарует, и все кончится ... С ним нельзя было играть ... ломать привычную ожидаемую комедию.

– Да, вы, Феликс, не ошибаетесь. Я согласилась, и тут нечего обсуждать.

– Вот и отлично. Красивые женщины часто бывают неумны и мне действует на нервы их поведение. Признаюсь, что мне не хватает терпения на брачные игры.

В спальне он сел в кресло, а Аня начала раздеваться при оранжевом свете торшера. Феликс не отводил от нее глаз, смакую каждую минуту их близости. Он не спешил, не бросался, не суетился. Впрочем, кончил он довольно быстро, а потом сказал: «Вы, Аня, наверное, удивились, что мы ничего не выпили? Мне не нужен алкоголь для любви. Он искажает мои ощущения. А у вас не так?» Аня даже и не знала, так это для нее, или нет, но ее поразило, что он ей после всего говорит 'вы'. Так у нее еще никогда не было.

Домой она вернулась утром, и родители ей ничего не сказали, видимо отец провел с матерью беседу ...

Тут как раз нашлась для Ани работа в спецшколе, где у нее были часы по физике и по французскому. Она не слишком даже горевала, что не удалось преподавать предмет на французском. Нет – так нет. С Феликсом они встречались всегда у него дома, не ходили ни в рестораны, ни в кафе, пару раз были в театре. Ане было понятно, почему он ее не приглашал в рестораны. Потому что у них совсем не было этапа ухаживания, Феликс его исключил, доведя их отношения до кристальной ясности. Они хотели друг друга и получали, так как были взрослыми, самостоятельными людьми, несущими ответственность за свои поступки, и ни у кого не спрашивающими разрешения. Мама пыталась расспросить Аню о новом молодом человеке, но тщетно ... Аня была не готова ей ничего рассказывать. Отец не задавал никаких вопросов, так как прекрасно знал, что Аня молчит, потому что для нее не пришло время откровений и решений.

Однажды в ночь на воскресенье Аня, как у них было уже заведено, осталась у Феликса ночевать. Они спокойно проспали всю ночь, а утром сонной Ане показалось, что кто-то открывает входную дверь своим ключом. Она лежала рядом с Феликсом, не открывая глаз, балансируя между сном и явью, еще не вполне проснувшись, но звук ключа слышался все отчетливее. Дверь хлопнула и Аня услышала женский голос:

– Феликс, ты дома? Ну, хорошо, не буду тебя будить. Хотела с тобой кофе попить, ну ладно. Спи, милый. Я поехала. Я с дачи ехала ... зашла вот на минутку. Папа остался ...

Аня увидела, что Феликс тоже проснулся и лежит с открытыми глазами:

– Боже, кто это?

– Это мама ... может она и не зайдет.

– А если зайдет? У нее что ключ есть?

– Ань, ничего страшного. Лежи. Не вставай. Зайдет – так зайдет. Это мои проблемы.

– А она про меня знает? Может мне уйти?

– Никуда тебе не надо уходить ... я сказал: лежи.

И тут дверь спальни приоткрылась. 'Фелинька ... сынок'. Женщина осеклась. Она резко остановилась на пороге, лицо ее было почти скрыто огромным букетом сирени. В комнате резко запахло сиренью.

- Ой, прости. Я не знала, что ты не один.
- Иди мама, я сейчас выйду. Мы с тобой выпьем кофе.
- Нет, нет, я пойду. Как неудобно получилось. Я должна была позвонить. Но, откуда я позвоню ... Я на минутку.
- Ань, я пойду к маме, а ты тоже вставай потихоньку, можешь душ принять, и выходи к нам. Ладно?
- Нет, неудобно. Я уйду.
- Нет, ты слышишь ... прости, что так получилось, но это все ерунда ... давай.

Феликс накинул теплый халат и вышел в коридор, Аня услышала из кухни их голоса.

Вот черт! Какой кошмар. В такие водевильные ситуации она еще никогда не попадала. Зачем мамаша его идиотская пришла? Что это за манера давать свой ключ? Даже родителям ... Что ей делать, как себя с его матерью вести? Вот совсем ей ни к чему их семейный кофе ... Аня в дурном настроении: ей полностью испортили воскресное утро, плескалась под душем, а потом долго одевалась и красилась. На кухню она все-таки решила идти. К своему удивлению она увидела улыбающегося Феликса, он любезно разговаривал с хрупкой маленькой пожилой женщиной. На столе лежали какие-то аппетитные пирожки, вкусно пахло кофе, а на подоконнике стоял букет.

- Мама, это Аня. Познакомься.
- Анечка, очень приятно. Меня зовут Валентина Васильевна. Жаль, что Феликс мне о вас ничего не рассказывал, но я давно уж не лезу в его жизнь. Простите меня, ради бога, что я вас так побеспокоила. Неудобно получилось, и по моей вине. Буду знать в следующий раз ...
- Мама, следующего раза не будет. Я люблю Аню и мы поженимся. Она – женщина моей жизни ... я такую давно искал.

Аня остолбенела. Это что такое? Он ничего ей никогда не говорил, что она женщина его жизни. Он, что предложение ей сделал? А вдруг она не согласится? А он ее спросил? И тут она поняла, что он ее не спросил, потому что и так знал, что ... она хочет быть его женой. Ну откуда он знал?

– О, как неожиданно! Анечка, вы – красавица! Я ничего не знаю ни про вас, ни про вашу семью, но ... я верю в выбор Феликса. Если ему с вами хорошо, то и я обещаю вас всегда любить. Ешьте, Анечка, пирожки ... Ой, я даже не знаю, что сказать ... вот уж я не знала, какое сегодня будет необыкновенное утро. У меня сын женится. С ума сойти!

Аня и сама не знала, что это весеннее майское утро так изменит ее жизнь. А потом все пошло по ожидаемому сценарию: встреча родителей, на которой все немного напрягались, но в целом были вполне удовлетворены друг другом, свадьба в ресторане Берлин, и собственно все ... началась их с Феликсом жизнь в ставшей их общей старой квартире на Садово-Кудринской. Ребята из разных компаний все были на их свадьбе. А потом сенсация, что 'Нюрка замуж вышла ... за кого? За Феликса-доктора...' себя исчерпала, и в компании они ходить перестали. Так вышло, что сногшибательное черное платье с бантом больше никуда уж не 'вышло'. Аня его продала, даже с небольшой выгодой. Через год у них родился Сашка, потом через пару лет

– Катька. Вроде решили остановиться: мальчик и девочка ... хватит, но а потом ... через пять лет у них Лидочка появилась.

Оказалось, что семья была для Феликса невероятно важным делом, но может и не главным делом его жизни. Главным делом была все-таки работа. С Ани, когда она родила, как-то незаметно слетела 'королевность', она много работала, занималась детьми, начали болеть родители. Блестать стало некогда и ни к чему. Трое детей – есть трое детей. Впрочем, она продолжала за собой следить, на нее оглядывались, и она этим пользовалась, но нечасто. У нее, кстати, было ощущение, что Феликс, значительная часть жизни которого, была для Ани закрыта, тоже иногда пользовался своим магнетизмом с женщинами. Магнетизм в нем оставался, но на Аню он уже действовал не так сильно, как в первое время. Их давно связывало совершенно другое.

О, наконец-то ... Аня услышала мягкий лязг гаражной двери. Через пару минут Феликс вошел в комнату. Аня молчала, пережидая 'объятия' Феликса с котом, у которого всегда был приоритет в общении с ее мужем. Этот старый черный кот, которого Феликс называл 'мелатонистом', т.е. черным животным, и соответственно выносливым и невосприимчивым к болезням, был довольно мрачной, неласковой личностью. У кота были, однако нежные приватные отношения с Феликсом, и практически никаких с нею самой. Несмотря на то, что кот ее всегда пренебрежительно и равнодушно игнорировал, она его все равно любила и называла 'Ляленькин'. Ляленькин терся о колени Феликса, нюхал его руки и требовательно мурлыча, вымогал интенсивные ласки, с элементами садо-мазо. Где уж Ане было с ним сравниться. Куда там ...

Надо же она только что окунулась в воспоминания о Феликсе, такие удивительно явственные, с шумами и запахами, что она долго не могла от них очнуться, потеряла счет времени и забыла о своих проблемах, а тут ... пожалуйста: тот самый ее постаревший Феликс в мятых 'скрабах' и накинутой сверху куртке, стоял перед ней.

- Фея, послушай. Давай переодевайся и я хочу тебе кое-что сказать.
- А что ждать. Давай говори, я слушаю ...

Феликс видел, что Аня чем-то встревожена, она вообще в последнее время была как-то не в своей тарелке. По профессиональной привычке он фиксировал у нее смены настроений. То она была излишне агрессивна, то, наоборот – безучастна, подавлена, отрешена, на чем-то сосредоточена. Все эти мелкие изменения протекали на фоне бессонницы, но Аня всегда плохо спала ... Феликс наблюдал, не ухудшится ли ее состояние. Он переоделся, уселся в свое компьютерное кресло и открыл лептоп. Аня поднялась с дивана, и встала напротив.

- Феликс, посмотри на меня.
- Ну, Ань, что? Я смотрю. Что я должен увидеть?

Феликс прекрасно видел, что Аня ищет его внимания, но пока не мог понять, куда она клонит и 'гарцевал'.

- Ничего ты не 'должен', просто скажи, ты видишь во мне какие-то изменения? Честно скажи ...
- Да, нет, Ань, я ничего такого не вижу. А ты что видишь?
- А ты не замечаешь, как я похудела? Ты не видишь? Это, что, не видно?
- Ань, ты только не беспокойся. Ты мне лучше скажи, ты взвешивалась?
- А что мне взвешиваться? Я и так вижу. На мне все висит.
- Висит, правда?

– Правда, правда. Хватит из себя идиота корчить! Ты, я надеюсь, понимаешь, что это означает. Я, например, понимаю.

Так, этого нам только не хватало. Дисморфофобия у нее что ли? Канцерофобия ... У женщин ее возраста навязчивые состояния нередки. Тут, ведь, у них в Америке с Obsessive-Compulsive Disorder ничего не сделают ... вот черт. Феликс продолжал 'наблюдать':

– Ань, подожди. Ты мне лучше скажи, у тебя есть какие-нибудь симптомы. Ты испытываешь недомогания, у тебя повышенная утомляемость.

– Нет, ничего у меня этого нет. Но ты же знаешь, что может быть без симптомов. Я же похудела, и это – факт.

– Ну, Аня, ты же начала интенсивные тренировки, мало ешь. Что же ты хочешь. Ты радоваться должна. По-моему у нас нет причин для паники.

– Это ты мне, как муж говоришь, или как врач? Причины есть. Знаю я твои утешения.

– Аня, я тебе это как врач говорю. Онкологический больной начинает значительно терять вес на терминальных стадиях, когда проявляется и другая симптоматика. Вероятность совершенно бессимптомного течения на такой стадии крайне мало вероятна.

– Фель, да я же просто отошала. Аня улыбнулась: ты рад? Скажи.

– Рад. Пошли вниз. Успокойся.

Остаток вечера прошел хорошо. Аня казалось бы успокоилась, он, ведь, постарался действительно быть с ней 'доктором', а это умение уже не могло его покинуть, несмотря на отупляющую монотонную работу в местном центре психического здоровья, где под его наблюдением пара десятков олигофренов и даунов приклеивали к открыткам картинки и небольшие фигурки. Его 'психи' вполне активно и с энтузиазмом занимались своими открытками, моторика у них была, как правило, в порядке, они старались и получали, кстати, за свою работу деньги. Иногда кто-то начинал громко разговаривать, махать руками, хохотал, начинал приставать к соседу, и тогда Феликсу приходилось вмешиваться.

Среди его контингента было много микроцефалов, которые задержались в своем развитии, так и оставшись на уровне пятилетнего ребенка, с ними и приходилось общаться как с детьми: утешать, увещевать, отвлекать. Считалось, что 'психов' можно реабилитировать, их поведение скорректировать, но Феликс знал, что это практически бесполезно. Речь их была примитивна, они путались в простых объяснениях, понять их было невозможно, но там, честно говоря, и понимать было нечего. К сожалению у таких больных страдал не только интеллект, но и память, эмоции, воля. Феликса, не такого уж хорошего английского, с ними вполне хватало, на длинных пассажах больные все равно не могли сосредоточиться, абстрактного мышления у них не было совсем. Проблема была в том, что иногда стабильное поведение слабо социально адаптированных больных, резко сменялось агрессией и враждебностью. Достаточно было того, что кто-то один начинал громко кричать, драться, ломать то, что было под рукой. На фоне добродушного и приподнятого настроения окружающих, это могло послужить началом цепной реакции и тогда часть больных от добродушия тоже переходила к агрессии, а часть – пугалась до слез.

Феликс и раньше наблюдал подобное бурное аффективное поведение больных, то тогда, в прошлой жизни, у него были медикаменты, санитары, а сейчас он должен был лично иметь дело с любым эмоциональным проявлением своей группы. Он привык, часто бывал сам поколочен, поцарапан или даже укушен. Но, дело было не в нем самом, а в больных. Они считались неопасными для общества, не содержались в специальных клиниках. Феликс должен был внимательно следить за проявлениями самоповреждений, т.е. они принимались рвать на себе волосы, царапать себе лицо, биться головой о стену. В общем у него в центре было 'не соску-

чишься', следовало все время быть настороже, Феликс от этого очень уставал, давно возненавидел свою безрадостную мрачную работу, о которой он ни с кем не распространялся, но которая их худо-бедно кормила. Сначала, когда он только нашел эту работу, он собой очень гордился: ну как же – по специальности! Он лицензию получил и его 'допустили' к ответственной должности. Но как же вся его бессмысленная деятельность отличалась от его должности в институте судебной психиатрии. Все он про своих 'психов' понимал, мог бы написать подробнейшие истории болезни, да только никому это было здесь не нужно. Клеят свои открытки и ладно ... Феликс горько вздохнул. Он не хотел уезжать в эмиграцию, он так и знал. Ладно, что тут говорить.

А вот Аня его волновала. Вот что было важно. Какая-то она была не 'такая', что-то было с ней не то. Она уже усаживалась на диване, чтобы смотреть телевизор. Он украдкой за ней наблюдал, он это умел ... 'украдкой', чтобы больной и не подозревал, что за ним наблюдают. К Аниному внешнему виду он привык. С тех пор, как они познакомились прошло 45 лет, или что-то вроде того. Его стильная красotka 'серебряного века', одновременно призывная и холодноватая, уже не существовала. Веки набрякли, глаза, уже, кстати, вовсе не ярко-зеленые, стали казаться меньше, кожа на щеках обвисла, носогубные морщины придавали ее лицу какое-то недоброе, озабоченное выражение, ее замечательные белокурые волосы поредели, плохо лежали и сильно поседали. Про фигуру и говорить было нечего: круглый животик на тонких ножках. Ах, Анька, Анька ... хотя он и сам был не лучше. Его синие глаза всегда слезились, были сухими и он несколько раз в день закапывал себе 'искусственную' слезу, которая потом 'вытекала'. Он замечал, что стал меньше ростом и при ходьбе шаркал ногами. Это-то ладно, но когда они смотрели телевизор, его, вдруг, одолевала неудержимая сонливость: шел фильм или передача, а он начинал мерно сопеть и похрапывать. Аня его иногда окликала, а иногда, он знал, она продолжала смотреть, а он спал, и все, как она говорила, самое интересное, пропускал. Потом встряхивался и говорил 'что, что... я не спал', а сам спал. Аня говорила, что он 'старпёр', и в ее голосе он не слышал снисхождения. Ну, что ж, старились они с ней, ничего не поделаешь.

А ведь когда-то, он, Феликс был известен своими победами. Женщины его любили, быстро становились его любовницами, но никогда особо не интересовали. Они могли ему дать ровно столько, сколько могли дать: секс, приятный вечер, иногда беседу. Ему никогда не приходило в голову с какой-нибудь из них остаться. А тут ... Аня. Она выглядела тогда изумительно, было безупречно красива, той, немного зазывной, чуть вызывающей красотой, которая выставляла ее на рынок 'любви', как очень дорогую вещь, которую немногие могли себе позволить. 'Немногих' было, как Феликс подозревал, не так уж и мало, но только он смог сделать из Ани ту, которая была ему нужна. Она была женщиной 'в витрине', а стала его женщиной. Он ее приучил не быть ревнивой, сразу поставив точки над 'i'. Да, он, как и любой гетеросексуальный мужчина, полигамен, такова его природа. Можно конечно отказываться от своих желаний, но тогда нужно будет жить в комплексах 'подавленных фрустраций', только ради чего? Он совершенно искренне считал Аню женщиной своей жизни, а прочие девочки, какие-то статистки, которые могли его волновать не более получаса, не могли тут ничего изменить. Он обещал, что не то, чтобы он не будет их Ани скрывать, а просто не будет о них говорить, так как они не стоят разговора. Аня это тогда приняла. Он знал, что сначала, когда она была беременна и много работала, у нее никого не было. Потом ... тут он не мог поручиться. Аня – была Аня, но ... им было хорошо вместе, и этим все сказано. Аня была не только умной, но мудрой, а это не одно и то же. У них даже хватило ума никогда не расспрашивать друг друга о 'бывших' и 'первых'. Это было для них обоим неважно. Он много раз был свидетелем подобного нездорового любопытства. Если бы женщина принялась жадно расспрашивать о его подругах, он бы не стал с ней жить, но Аня не стала.

Сейчас в этот обычный апрельский вечер Аня снова казалась спокойной. 'Ну, это-то нормально. Так и должно быть после разговора со мной. Она меня ждала, чтобы ... ну, чтобы я ее успокоил и теперь ей действительно все кажется не таким уж и страшным', – подумал про себя Феликс. Кончилась первая серия какой-то очередной глупости и Аня встала, чтобы сходить вниз за чаем. Феликс проводил ее взглядом: 'А правда ... Анька сильно похудела, это нельзя не заметить. Как все-таки эффективны ее занятия и диета. Какая она молодец. Волевая девка! Да, она такой всегда была, но ... надо сходить на обследование'. Когда они легли, Феликс решил начать этот разговор:

– Ань, я подумал о том, что ты мне говорила.

– Ну? Что ты подумал? Ты же мне сам сказал, что это все мой режим сделал ...

– Да, я в этом уверен, но давай мы с тобой сходим к врачу и ты пройдешь общее обследование.

– Фель, ну что я доктору скажу? Доктор, у меня рак ... найдите где. Ты же знаешь, что он обо мне подумает.

– Да уж знаю. В любом случае ты давно не была у врача, пусть проведет общий медосмотр, а главное сделаем анализ крови и маммографию. На этом остановимся.

– Ага, ты все-таки беспокоишься. Понятно. Врал мне ... как любой врач врет. Утешал.

– Ань, не валяй дурака. Ничего я тебя не утешал. Я правда думаю, что ничего у тебя нет. Не так уж ты похудела, чтобы это не могло произойти от упражнений.

– Значит ты согласен, что я похудела?

– Согласен, Ань, и тебе это очень идет. Я не против: продолжай в том же духе.

Все, что Феликс сейчас ей говорил, было правдой, но не всей. Внезапная потеря веса – это симптом. Настораживающий симптом. Пусть проверится. А может у нее уже давно была дисплазия в желудке, рак яичников, поджелудочной железы ... заметит – будет поздно. Да, нет, все было бы уже очевидно ... еще до потери веса, хотя ... Феликс не мог считать себя знатоком онкологии, он за годы своей карьеры с ней не сталкивался. Там у него на работе было совсем другое ...

Да, что с ним самим-то происходило? Пусть бы уж скорее они пошли к врачу. У него у самого начинается навязчивое состояние тревоги, он уже сам с ума сходит от неопределенности, напряженно-беспокойного ожидания, чувства, что что-то должно случиться. Феликс лежал, ощущая волнение в груди, внутреннюю дрожь, странно соседствующую с двигательным возбуждением. Так, ясно. Он же все понимает. Нельзя доводить себя до такого состояния, он не даст тревожной неопределенности полностью заполнить свое сознание. Просто завтра они запишутся к врачу.

Консультация не заставила себя ждать. Уже через два дня он зашел с Аней в кабинет, и слыша веселый голос доктора, совершившего формальные действия так называемого осмотра, писавшего направления на анализы, подумал: 'За анализами мы и пришли. Давление мы и сами можем измерять. Но, спасибо, друг, ты все сделал правильно'. Феликс редко, по-примеру других русских эмигрантов, был недоволен американскими врачами. Назавтра получили анализ крови: все в пределах нормы. Ну, и хорошо. Аня пошла на маммограмму и он остался ждать ее в холле. Не было ее долго и Феликс стал беспокоиться. Почему долго? Или слайды получились нечеткими, или рентгенолог стал в чем-то сомневаться и захотел посмотреть на снимок в другой проекции, второе было хуже. Когда все нормально – бывает быстро. Или не быстро? Ну, откуда он знал. Феликс поймал себя на том, что каждую минуту смотрит на часы. Прошло уже пол-часа. Что там происходит? Что? Он бы даже предпочел тоже там в кабинете находиться, а так ... это ожидание ... Ну, найдут у нее крохотный желвачок в груди, ничего ... сделают секторальную операцию, облучат. Люди живут и живут и умирают не от этого. А бывает, что от этого. Сколько веревочке не виться ... Начнутся метастазы, перейдут в легкое или в кости

... Ужас, если Аня умрет, то и его жизнь потеряет смысл, нарушится равновесие ... Ага ... вот она идет ... лицо вроде неопрокинутое. Не надо к ней кидаться. Сама скажет.

– Замучился меня ждать? Ничего у меня нет. Снимки переделывали, и я еще на ультразвук ходила на всякий случай. Все нормально.

– Ага, на ультразвук, значит что-то там не то. Ну, ничего. Нормально – так нормально.

Они молча пошли к машине, светило солнце, и хотя было холодновато, на деревьях распустились крупные белые и розовые цветы. Да, и у них за балконом уже цвела дикая вишня. Все было хорошо. Вообще все! И Лида с Олегом переехали и со здоровьем было пока еще ничего, и лето предстояло со спектаклями для детей и даже Анина потеря веса воспринималась им как что-то отличное. Ну что за страхи в самом деле. Чуть что – психуют, даже стыдно.

Поехали в магазин и Аня с удовольствием купила себе новую одежду на целых два размера меньше, чем еще несколько месяцев назад. Примеряла и смотрела на себя в зеркало без привычного отвращения. Ей все казалось, что ребята ей скажут о похудении, о том, как классно она выглядит, но никто ничего не сказал, не заметили. Ну, правильно, что на мать смотреть! Их за это даже осуждать трудно.

Аня с Лидой, которая этим летом пообещала ей тоже включиться в репетиции, наметили репертуар: инсценировка перевода Маршака 'Королевский бутерброд' и музыкальные номера. Аней овладел приступ энергии, она стала учить стишок с маленьким пятилетним Яшей, справедливо полагая, что он самое 'слабое звено' в их труппе. Она учила с ним кусочки текста, но больше пока ничего не делалось. 'Что Лидка-то ничего не начала делать? Что она ждет?' Аня начинала злиться. Она всегда была человеком действия: решила делать – делала, а вот ... другие. Они почему-то откладывали то, что обещали, в долгий ящик, надеясь, что успеется.

Аня Лиду своим нетерпением немного раздражала. Делать ей ничего не хотелось, творческого зуда не было, и Лида спокойно ждала хотя бы незначительного вдохновения, которое всегда к ней приходило в последнюю минуту. Пока летние мероприятия со спектаклем вовсе не были для нее приоритетом. 'Все-таки мать как была, так и остается учительницей. Суетится, и всех хочет заставить суетиться. Бежит впереди паровоза, а зачем? Все будет, но вовсе необязательно в том темпе, в котором она хочет' – думала Лида, спокойно занимаясь своими делами. Она прекрасно видела, что мать хочет побыстрее начать репетировать, 'гореть' и руководить, хотя ... может руководить она и не хочет, надеется, что она, Лида, все возьмет на себя. Но, это зря. С другой стороны Лида понимала, что мать ни в коем случае нельзя вслух укорять в излишней активности. Она обязательно полезет в бутылку, причем сделает это не в открытой, бурной форме, а молчком, станет холодна, отстраненна, перестанет проявлять любую инициативу, в общем сумеет дать понять, что она 'надулась'. Мать умела так делать.

Если Лиду немного раздражала мамина 'учительская' жилка, то было нечто, за что она ее очень уважала: мать умела взять себя в руки, практически по любому поводу. Сейчас она интенсивно тренировалась на тредмиле и сидела на строжайшей диете. Результаты превзошли все ожидания: мать было не узнать! Подобралась, подсохла, стала подвижной ... какая молодец, вот если бы не ее бьющий через край энтузиазм насчет 'эстетического воспитания' детей... Стало уже трудно сопротивляться этому вихрю. Почему-то вспоминалась мамина деятельность как классного руководителя. А может это было хорошо, некоторые вещи не меняются. Мама – действительно творческий и энергичный человек, лидер. Это она, Лида – ленива. Что тут сделаешь. Сделать было можно, только Лида не хотела. Интересно, а Катька замечает что-нибудь в матери новое.

Начались каникулы. Была уже середина июня. Самое чудесное время, свежая зелень, тепло, но не жарко. Они все пришли к родителям на террасу. Мама приготовила летнюю

закуску, мясо отец жарил на гриле, был фруктовый торт. Лида, наслаждаясь покоем, вовсе не спешила помогать:

– Кать, ты заметила, как мама похудела?

– Похудела? Я не вижу. Мама – как мама.

– Кать, ну ты даешь! Еще как похудела. От нее половина осталась. Она уже почти такая, как мы с тобой. Нет?

– Ну, прямо. Не преувеличивай. А потом, что ты удивляешься. Она, ведь, сейчас, кажется, ходит ... да, она и не ест ничего. Интересно, насколько ее хватит? Опять будет картошку есть, и хлеб.

– Сейчас, не об этом речь. Я тебя просто спрашиваю, ты заметила, что она похудела? Ты не беспокоишься?

– Да, ладно, тебе, Лид, что беспокоится-то? Папа, я уверена, все держит под контролем. Они бы нам сказали, если что ...

– Что – 'что'?

– Ты знаешь 'что'? А Олег заметил? Что он говорит? Хотя мне кажется, что и говорить-то не о чем. Ты преувеличиваешь.

– Да, ну ладно. Может ты и права. Мне и Олег тоже самое говорит.

Девчонки налили себе еще вина и забыли на время об этом разговоре.

Аня убирала тарелки, ставила чашки. Феликс вынес самовар, она стала резать торт. Странно, но в ее теле не было привычной усталости. Ноги на высоких каблуках четко и неутомимо постукивали по доскам террасы, и спину не ломило, и голова не болела от пары бокалов вина. Наоборот, ей хотелось выпить еще. Она подала ликеры, и попросила Феликса ей налить 'кассиса', черносмородинового. Лида и Олег отказались, Феликс тоже. В 'строю' остались только Катя, Леша и она, Аня. У Кати блестели глаза, Леша давно сидел весь красный, а вот с ней пока не происходило никаких серьезных изменений, связанных с возлияниями. Раньше-то она могла прилично выпить, но в последнее время не пила практически совсем. Немедленно начинала болеть голова, заснуть удавалось только под утро и поэтому оно того не стоило. А сейчас ... надо же: ни в одном глазу! Наоборот, было ощущение, что она 'недобрала'.

Гости ушли, Аня убрала посуду и заглянула в туалет. В зеркало на нее глядело усталое лицо женщины средних лет, довольно еще гладкое, хотя уже и несколько поблекшее, фигура была 'вполне': практически полное отсутствие живота, кожа совершенно не отвисшая, а главное ... Аня заметила, что волосы у нее стали 'живее', в них появился шелковистый блеск, и ... как говорится 'можете смеяться': почти ушла седина. Разве такое бывает? Почему-то сейчас в подпитии Аню ничего не испугало, ей просто стало приятно, что она помолодела. Ну, или ей только самой так казалось? Complimentов-то ей никто не делал. В спальне она разделась и опять подошла к зеркалу: живот, понятное дело, был, дряблая складка отвисала книзу, но ... для того, чтобы ее живот был заметен, ей надо было показаться голой, так долгие годы и было. В одежде никто не замечал в Аниной фигуре возрастных изменений. Сейчас опять так стало.

– Фель, ты заметил, что у меня седых волос стало меньше. Странно, правда?

– Просто ты потеряла вес, и твой метаболизм стал резко лучше. Диета дает тебе много витаминов и организм начинает перестраиваться.

– Что-то я не слышала, что так бывает.

Аня не казалась расстроенной. А Феликс ... он и сам знал, что так не бывает. Не бывает, чтобы седой человек стал опять не седым. Какая-то чертовщина. Хорошее самочувствие, потеря веса – ладно. Но седина ... Аня против обыкновения не стала читать и погасила свет. Ее

рука потянулась к нему и ... ну и Анька! Вот что ликер с ней сделал. Она сегодня стала похожа на его бывшую молодую Аньку, 'femme fatale'. Теперь ему оставалось только одно – соответствовать жене, которая на время вернула его в прошлое. Сознание его полностью переключилось на 'здесь и сейчас', в его постели была обворожительная, умелая женщина. Последний посторонний звук, который Феликс успел воспринять, было оголтелое мяуканье Лялелькина где-то на другом конце второго этажа.

Дети летом были предельно загружены: лагеря, спорт, поездки, на театр времени едва хватало. Время от времени Аня думала, что черт с ним с театром, детей и так всему на свете учат ... Но что делать с эмоциональным голодом? Поездки, игрушки, поездки, игрушки ... а что еще? Новая одежда ...? Удовольствие доставить становилось все труднее, как детям радоваться и огорчаться? В спектаклях был источник переживаний и для этого они были нужны.

Когда Аня была маленькая, мама ей читала Маршака. Тогда ей все нравилось, особенно про подвиги советских людей, но сейчас все это не могло уже так восприниматься, нет ни пионеров, ни ГТО, ни лагерей ... о чем говорить! А вот переводы не устарели: чудак-король и его дурацкое масло, которое он сначала по недоразумению не получил, а потом ... получил и радовался. Яшка, разумеется, король. У него там всего несколько реплик, и 'мылит руки мылом', и 'съезжает по перилам', получая в результате свой вожделенный бутерброд. С Никой и Линой было непросто: королева только одна ... а молочница непрестижна. Лиде удалось убедить Нику, что 'молочница' – интересный персонаж, она с королевой разговаривает и с коровой, которой Аня сама согласилась стать. Костюмы сделали из того, что было: юбки подоткнули, парики и короны были. Был, кстати, и костюм коровы. У Ники почти сразу начало получаться, а с Линой пришлось работать. Она говорила свою роль, но не позволяла себе полностью расслабиться. Что там у нее происходило в голове? То ли не чувствовала 'как', то ли не умела себя отпустить, то ли ей все время казалось, что она будет по-дурацки выглядеть?

Яшка улыбался и не мог четко выучить свои слова. Репетиции Аня целиком взяла на себя. Помощник ей был не нужен. Она сама увлекалась и все время пыталась заставить детей вжиться в смешную ситуацию в королевской семье. Причем ситуация была настолько бытовая, что ее следовало сыграть очень просто без пафоса волшебной сказки. Ну, не поняли сначала люди друг друга, а потом поняли ... Тут и корова – полноправный участник истории. Он тоже вносит свое предложение, дает совет насчет 'мармелада', ведь она хочет, как лучше. Надо было все сыграть, как крохотную Мольеровскую пьесу: комедию недоразумений. Недоразумение разрешается и все счастливы. Дети никак не могли понять, почему для Ани не так уж важны костюмы. Для них-то они были 'самое главное', возможность выйти в длинном платье с кринолином и фижмами, короне или чепце. Аня понимала конечно, что детское восприятие пьески – другое ... ей надо было и себя, эрудированную, учесть, и детский интерес.

Они с Лидой выбрали песенки для инсценировки, которые совершенно не были детскими. В том-то и дело. Дети должны понимать юмор и суть картинки, их актерство не должно было развиваться на голодном пайке примитивных и назидательных пьес для детских садов. Песни было две: причем диаметрально противоположных, хотя только с первого взгляда. Решили изобразить школу бальных танцев Соломона Кляра. Там, ведь, очень всего много. По сути это еврейская Одесса. Убогий, с претензией на изящество и утонченность 'учитель', который в ужасе от своих клиентов, которым 'все можно' и которые не имеют ни малейшего представления о воспитании. Вернее, оно у них есть, но свое 'одесское'. А почему ребенку нельзя сморкаться в занавеску, если у него забит нос, ну, захотел Боря писать, ну, он же маленький, что тут такого особенного. Детки захваленные, избалованные, самодостаточные, обожаемые ... они неуклюжие, но все равно такие молодцы, такие молодцы! Мамы смотрят на них и лопаются от гордости. И все у них так красиво, так благородно, точно, как в высшем обществе 'порядочных людей': '...а шо такое ... Соломон, которому они платят деньги их сейчас просто научит, что 'где брошка – там перед'. Как мило он их называет 'кавалеры и дамы'. Зарисовка!

Да, еще какая. Анекдотичный акцент, искаженный русский. Пусть дети все это прочувствуют. И сыграют без нажима, без пошлости, а главное – на полном серьезе, чтобы всем было смешно, и им, когда они на сцене – нет. Это пласт культуры, которой они не знают, так ... пусть хоть чуть-чуть узнают.

Вот как Аня старалась сделать, сама себе объясняя, зачем они инсценируют такие глупости. И как все это противоречило окружающей их американской политико-корректной действительности. А плевать на ханжей и лицемеров! Они делали то, что для детей этого возраста была непредставимо: виляли толстыми накладными задами, Яшка норовил схватить 'дамов' за эти попы, а еще 'дамы' шеголяли выпирающим забавным бюстом. Вот именно – 'там где брошка – там перёд'. 'Перёд' так уж 'перёд'! Аня так гордилась своими детьми. Им, слава богу, было смешно. И их чувство юмора развивалось в нужном направлении. Вот для этого и надо было делать, что они делали.

Вторая картинка – ресторан с томными певицами и танцовщицами. Девочки в длинных юбках с разрезами ... декольте, маленькие шапочки. Броский грим. Ане надо было добиться, что вышло что-нибудь типа ее 'Холодной'. Они поют и танцуют знойное танго. Вот что надо было показать. Но, как? Откуда в маленьких девчонках знойная нега? Не может ее там быть по определению. Но ... вот чудо. Грим, костюм, ютуб, репетиции постепенно делали свое дело. Аня с наслаждением смотрела на Лино кругленькое лицо в гриме, ее маленькую вязаную шапочку, облегающее платье. Эта девчонка была похожа на нее. Она так боялась раскрыться, не просто спеть старое затасканное танго, и именно изобразить его пошлость, деланную тоску, нарочитое дурновкусие. В этом как раз и была тонкость. Долго не получалось. Лина просто пела, стараясь не наврать мелодию и не забыть незатейливые слова. Аня теряла терпение и кричала: 'Играй лицом. Смотри на него, ешь его глазами! Тоскуй! Мучайся! Страдай!' На каком-то этапе Лида ее попросила отстать от Линки. Получалось не так, разумеется, как это сделали бы взрослые профессионалы, но ... все равно хорошо.

А Ника ... Аня не переставала удивляться. Девчонке только 7 лет, а поди ж ты ... какие движения, изломанная грация, темп, амплитуда ... все на месте. Мелькает маленькое бедро, резкий поворот головы, взгляд из-под шляпы, руки протянутые в немой мольбе к нему ... Он в костюме Пьеро, неподвижный, непонятый, с грустным бледным лицом и черными нарисованными на белом слезами. Кто-то сидящий в позе отчаяния, маленький беззащитный, жалкий ... Артист, маска ... а это ... Яшка. Губы намазанные красным, и не видно, как Яшка, гад, улыбается, не в силах скрыть свое удовольствие от процесса. Вот как они все сделали, Аня и Лида.

Аня наслаждалась своей энергией. У нее было такое впечатление, что усталость ее не брала и Лида утомлялась гораздо быстрее ее. 'Что ж, ничего удивительного. Я всегда была выносливой и работала ни в пример больше моих детей', – думала она и ее переполняла гордость за свою физическую форму, которой она была обязана только своей природной упертости.

Пробежало лето, они еще успели все вместе побывать на океане. Лида с Олегом и Никой пробыли там два дня, потом приехали Аня с Феликсом, и остались еще на два дня с Никой. Лида с Олегом уехали, а Катя с Лешей и детьми жили на океане все это время. Аня помнила долгое совместно со всеми проведенное на берегу воскресенье. Они шли по кромке прибоя, загребая ногами мокрый холодный песок. Уходили довольно далеко и она не уставала. Потом расслабленно сидели на одеяле. Ребята по привычке предложили ей раскладное кресло, но она отказалась, ей и на одеяле было неплохо. Аня сидела, поджав колени, и живот совершенно ей не мешал. К своему похудевшему телу она стала привыкать.

Феликсу тоже помнилось то веселое, совместно с детьми проведенное, воскресенье. Анино тело в последние годы неузнаваемо изменилось к худшему, она уже давно не купалась. То ли ей не хотелось при всех раздеваться, то ли купание просто не доставляло ей удовольствия. Хотя как было купаться в их студеном океане? Так только помочить ноги или на минуту

окунуться. На этот раз Аня сняла с себя одежду и осталась в черном новом купальнике, который был давно куплен, и так ни разу и не использовался. Она вставала с подстилки, подходила к воде, махала детям и все на нее с удивлением смотрели. Не заметить перемену в мамином облике было невозможно. Феликс слышал, как дочери о ней говорили:

- Кать, ты видела, как мама хорошо выглядит? Просто блеск.
- Да, похудела. Она же тренируется. Катя была более сдержанна.
- Да, я маму так уважаю. Ей трудно дать ее возраст. Ты согласна?
- Да, мать молодец! Дай бог нам такими быть в ее возрасте.
- А что она раньше-то не худела? Вот что я не понимаю.
- Ну, она и раньше худела, ты что не помнишь?
- Нет, сейчас она просто загляденье. Смотри, какая фигура!

Феликс слушал дочерей, их восхищение маминой фигурой, и тоже очень Аней гордился. Он даже перехватил заинтересованные взгляды Лешки с Олегом. Их взгляды были, разумеется, с привкусом 'ну, бабушка дает ...', но все-таки. Феликс вздохнул: 'эх, видели бы ее парни раньше. Что бы они сказали? Тут и женщин таких нет! Слегка богемная Нюрка входящая в чью-нибудь гостиную и моментально притягивающая к себе внимание'.

И однако, он видел то, чего не видели дети: Аня изменилась не только внешне. В ней появилось то ли что-то новое, то ли давно забытое старое. Это даже ему самому было трудно объяснить. Он видел свою Аню, но только ту, давнишнюю, московскую, ту, которую знал только он, дети ее такой не помнили, да и к моменту их рождения она изменилась. Аня последнего времени, тяжелая, угасшая, часто равнодушная, или слегка раздраженная, исчезала. Как странно, какое на женщину оказывает влияние потеря веса. Ему нравилась перемена, но ... Феликс и сам не знал, что его настораживает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.